

0-755048

На правах рукописи

ПОПОВ Эдуард Анатольевич

**РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ:
ИДЕОЛОГИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

**Специальность 09.00.11 –
социальная философия**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Ростов-на-Дону

2006

**Работа выполнена на кафедре социологии, политологии и права
Института по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук
Ростовского государственного университета**

Научный консультант: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор **Волков Юрий Григорьевич**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор **Киященко Николай Иванович**

доктор философских наук, профессор **Ерыгин Александр Николаевич**

доктор политических наук
Савельев Андрей Николаевич

Ведущая организация: **Ставропольский государственный университет (г. Ставрополь)**

Защита состоится « 3 » марта 2006 г. в 13 на заседании диссертационного совета Д. 212.208.01 по философским и социологическим наукам в Ростовском государственном университете (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК РГУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГУ (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан « 1 » февраля 2006

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000235829

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук,
доцент

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Обращение к проблеме русского консерватизма определяется теми задачами, которая решает Россия при переходе от тоталитарной организации общества, для которой было характерно наличие правящей моноидеологии, к обществу, характеризующемуся идеологическим плюрализмом и состоянием затянувшегося социокультурного кризиса.

Очередной виток радикальной вестернизации, начавшийся на рубеже 80–90-х годов XX в. и проходящий под либерально-демократическими лозунгами, вызвал крайне болезненную реакцию в стране. Во многом остающийся традиционным менталитет россиян не приемлет «общечеловеческих ценностей», выработанных в мыслительной лаборатории «уникальной, но не универсальной цивилизации Запада» (А. Тойнби). Приоритет личности над обществом, а общества – над государством, сакрализация прав человека и принципов западной демократии, – эти и другие идеи и ценности, насаждаемые в нашей стране с начала 90-х годов, так и не стали основой мировоззрения и нормами поведения большинства населения. Либерально-демократическая модель общественно-политического устройства оказалась не работающей в условиях России. Недавняя инициатива Президента России по созданию Общественной палаты свидетельствует о стремлении руководства страны способствовать созданию гражданского общества и, вместе с тем, констатирует тот факт, что классические институты демократии (политические партии, представительные органы и т.д.) недостаточно эффективны и не способны решить задачу реальной демократизации России.

Современное российское общество объективно испытывает потребность не только в действенной общественно-политической модели и социально-экономической стратегии. Не менее, если не более, актуальна для нынешнего российского общества идея, интегрирующая индивидов и различные социальные группы на осуществление «стратегического прорыва в XXI в.». Посткоммунистическая Россия нуждается в идеологии, способной адекватно определить стоящие перед ней внешние и внутренние вызовы. Эта идеология должна рассматриваться как «идеальная» модель общественного устройства, некий идейно-теоретический «чертеж», по которому будет осуществляться развитие общества на десятилетия вперед.

На статус общенациональной объединяющей «идеологии 21» (В.Н. Кузнецов) претендуют различные идеологические системы, в том числе консерватизм. Русский консерватизм, генеалогия которого прослеживается с начала XIX в., продолжает свое развитие и в посткоммунистической России, не утратив своего теоретического и практического потенциала в новых общественно-политических и социокультурных условиях.

В конце XX – начале XXI вв. своеобразная мода на консерватизм стала одним из важнейших факторов общественно-политических процессов в России, что обусловлено в первую очередь привлекательностью его идей для общества, а, следовательно, и для электората. Закономерно, что в совре-

менной России, втягиваемой в процессы общемировой глобализации, оказалась востребованной идеология локализации и партикуляризма. Значимость консерватизма заключается в том, что он представляет собой идеологию, которая отвергает рискованные социальные эксперименты. Консервативная идеология основана на бережном отношении к исторической и социокультурной традиции, воспринимаемой не как дорогостоящий музейный раритет, а как живой, передающий через века опыт поколений. Универсальность консервативной идеологии заключается в том, что на ее основе можно консолидировать различные социальные группы для осуществления коренных общественных преобразований. Вместе с тем, некоторая аморфность понятия консерватизм, во многих случаях «переводимое» как синоним патриотизма и государственничества, не только препятствует его научному изучению, но и снижает потенциальные результаты социально-политической практики консерваторов. В посткоммунистической России отмеченные сложности проявились в том, что в политическом процессе страны участвует ряд партий, претендующих на статус консервативных, но по своим идейно-политическим установкам ему не соответствующих.

Наряду с различными версиями псевдоконсерватизма, в современной России также обнаруживают себя в идеологии и социально-политической практике силы, подпадающие под видовые характеристики консерватизма. Наиболее значимым политическим проектом последнего десятилетия стал блок, позднее партия «Родина», в руководство которого вошли многие известные представители национально-патриотического (консервативного) движения. С появлением данной партии в политическом спектре современной России была занята оставшаяся долгое время свободной консервативная ниша. Электоральный успех «Родины» на федеральных выборах 2003 г. и в ряде региональных выборов 2004–2005 гг. свидетельствует о востребованности консерватизма как идеологии и социально-политической практике у российских избирателей. Следует обратить внимание, что консервативно ориентированные слои российского избирателя не монополизированы исключительно партией «Родина». Значительная часть консервативного электората на выборах отдает голоса провластным, оппозиционным и псевдооппозиционным партиям и объединениям. Потенциал консервативной политической силы в современной России представляется далеко не исчерпанным.

Активизация русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики в начале XXI в. сделала консервативную проблематику одной из актуальных тем современной социальной науки в России и, в какой-то мере, на Западе. Актуальность социально-философского исследования данного феномена особенно возрастает вследствие неудачного осуществления модернизационных процессов, направленных на построение «гражданского общества». В этой связи одни исследователи полагают, что основным препятствием последнего является консервативный (традиционалистский) стержень общественной культуры и менталитета населения страны. Другие считают, что недостаточное внимание к цивилизационным особенно-

стям России является главным фактором, определившим, в итоге, подобный результат. И связывают перспективы демократизации и гуманизации российского общества с созидательным потенциалом консерватизма.

Изучение русского консерватизма будет означать не только качественное приращение знаний в теоретической сфере, но и будет определенным вкладом в понимание ситуации, складывающейся в современной России, служить для поиска путей выхода из социокультурного кризиса.

Степень научной разработанности темы. Изучение консерватизма – одна из актуальных тем социальной и политической философии. В России философское изучение феномена консерватизма начинается приблизительно в середине XIX в., параллельно с возникновением и развитием консервативного феномена. В значительной степени накопление научного знания о консерватизме происходило в результате идейно-политической рефлексии русских консерваторов о сущности консерватизма. Уже в работах «старших славянофилов» предпринимаются попытки определения сущностных границ консерватизма. Эта традиция была продолжена представителями последующих поколений русских консерватизма. Однако по существу к идейно-теоретическому осмыслению проблем консерватизма русская общественно-политическая мысль подходит во второй половине XIX в., что нашло отражение в фундаментальных трудах Б.Н. Чичерина «История политических учений» и «Курс государственной науки» и Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность». Работы этих исследователей, более известных в качестве ведущих идеологов конкурирующих идейно-политических направлений – соответственно, либерализма и консерватизма – положили начало двум исследовательским традициям изучения консервативного феномена. Первая, либерально-прогрессистская, исходила из трактовки консерватизма как реакционной (в более мягкой редакции – ретроградной) идеологии, служащей для обоснования исторически отмирающей сословно-монархической модели общественно-политического устройства (Вл.С. Соловьев, А.Н. Пыпин, П.Н. Милюков). Типологически близка данной исследовательской традиции сформировавшаяся впоследствии социалистическая (прежде всего, марксистская) «школа» социальных наук, представленная именами Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Ю.О. Мартова, В. Левицкого, Н.Л. Мещерякова и др.

Вторая, консервативная традиция, отождествляла консерватизм с национальной мыслью, преимущественно с социально-политическими аспектами последней. Как отмечалось в литературе по данной теме, понятия «русская мысль», «национальная мысль» в трудах консервативных исследователей фактически идентичны понятию «русский консерватизм» (В.А. Гусев).

Тем самым, исследователи-прогрессисты акцентировали внимание на типичности исторического процесса и социально-политического устройства России, консерваторы – на уникальности. Первые подчеркивали стадийное отставание страны от более развитых государств Запада, консерваторы отмечали культурно-историческое своеобразие России. Как можно убедиться, методологическими основаниями исследовательских направлений

послужили сформировавшиеся во второй половине XIX–XX вв. формационный и цивилизационный подходы.

В отечественной социально-гуманитарной науке получили преобладание различные методологические направления прогрессизма. Оригинальная и перспективная исследовательская традиция национально-консервативного направления в области гуманитарных и, в определенной мере, естественных наук (идеализм в естественно-научных дисциплинах: критика дарвиновской теории естественного отбора со стороны Н.Я. Данилевского, А.А. Любищева и др.) в недостаточной степени была востребована в отечественной науке второй половины XIX–XX вв. Определенный ренессанс консервативного методологического направления происходит в конце XX в. К представителям данного направления следует отнести: философов Н.А. Бердяева, А.С. Панарина, Н.П. Ильина, Ю.Т. Лисица, В.М. Лурье, А.Г. Дугина, В.Н. Махнач, В.Ю. Верещагина, А.В. Белова, А.М. Величко, М.Ю. Чернавского; политологов В.А. Гусева, А.Н. Кольева; историков Л.Н. Гумилева, Ю.И. Кирьянова, А.Н. Боханова, Н.А. Нарочницкую, А.Ю. Минакова, А.В. Репникова; литературоведов В.В. Кожина, В.П. Попова; элементы методологии данного направления прослеживаются в работах представителей московско-тартусской школы семиотики (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), в концепции «полифонического романа Достоевского» М.М. Бахтина.

Отметим, что подобный подход достаточно нов в отечественной исследовательской литературе и нуждается в дальнейшем философском изучении.

Важным исследовательским вопросом является проблема определения сущности консерватизма. Дискуссии по данной проблеме привели к появлению двух основных исследовательских подходов: идейного, согласно которому консерватизм обладает собственными идеологическими постулатами (идейным ядром), и ситуативного, который исходит из политико-прагматической трактовки консерватизма как «служебной» (функциональной) идеологии правящего слоя. В рамках идейного подхода можно выделить два направления, представители которых подчеркивают универсально-мировоззренческое либо социологическое основания идеологии консерватизма. Консерваторы, занимавшиеся вопросами философской рефлексии, подчеркивали глубинные мировоззренческие основания консервативной идеологии, которая возводится к идеологии «высокого Средневековья» и даже к Платону («старшие славянофилы», К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров). К настоящему времени в зарубежной и отечественной литературе сформировалась исследовательская традиция возводить генеалогию консервативной идеологии к неким «идеальным» мировоззренческим моделям, полностью или относительно автономным от социального слоя (К. Поппер, Э. Хобсбаум, Э. Гидденс, А. Валицкий, Е. Шацкий, Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Ю.Т. Лисица, Н.П. Ильин, М.М. Федорова, А.М. Руткевич, В.А. Гусев, А.Н. Кольев, М.Ю. Чернавский, В.П. Макаренко). Социологический подход, представители которого трактуют консерватизм как идеологию и социально-политическую практику феодальных страт общества, преимущественно поместного дворянства, также широко представлен в научной литературе (К. Ман-

хейм, исследователи-марксисты). Ситуативный (функциональный) подход связывают с выходом в свет эссе С. Хантингтона «Консерватизм как идеология», которое стало манифестацией данного методологического направления, хотя его элементы использовались и в более ранней литературе (в России – в трудах К.Н. Леонтьева, П.Б. Струве и др.). Под влиянием методологических подходов С. Хантингтона сложилось исследовательское направление, «пионерами» которого в нашей стране стали П.Ю. Рахшмир, А.Ю. Мельвиль, К.С. Гаджиев.

Исследование консерватизма как политической идеологии предполагает анализ понятия «идеология» в исторической перспективе. В современной научной литературе сложилась поливариантная ситуация по проблеме определения сущности идеологии и типологии политических идеологий. В рамках марксистской методологии понятие «идеология» служит для обозначения теории или учения, выражающего интересы определенных социальных групп (классов). Высказанное классиками марксизма в «Немецкой идеологии» определение идеологии сводится к идее, что «господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений». Впоследствии Ф. Энгельс развил марксистский подход к определению идеологии, охарактеризовав последнюю как «ложное сознание» и противопоставив научной марксистской социологии.

Методологические позиции марксизма были подвергнуты критике со стороны исследователей, испытавших значительное влияние идей К. Маркса. К. Мангейм в классическом труде «Идеология и утопия» справедливо обратил внимание на отсутствие социологических оснований не распространять на марксизм сделанное им самим открытие – усматривать в мышлении политического противника элементы идеологии, от которого свободно собственное мышление. Мангейм предложил развести два понятия – идеология и утопия, которая ориентирована на разрушение социального порядка. Исследователь выделяет частичную идеологию, служащую для выражения интересов социальных групп и классов, и сводящуюся к содержательной части высказываний противника, и тотальную идеологию, претендующую на объективное и полное знание о бытии, как идеологию общественных укладов и целых исторических эпох, ставящую под сомнение все мировоззрение противника.

Методологические установки К. Мангейма испытали серьезное влияние марксистского подхода, что нашло отражение в характеристике предложенного социологом понятия «стилей мышления», являющие собой мыслительный опыт определенных социальных групп. Консервативный стиль мышления, согласно Мангейму, являет собой производную опыта феодальных страт общества – дворянства, цеховых ремесленников, патриархального крестьянства. Немецкий социолог принадлежит к исследователям, стоявшим у истоков традиции исследования консерватизма как мыслительной традиции, оппонирующей методологии прогрессизма и, в первую очередь, либерализма.

Сравнительный анализ различных идеологических систем и теоретико-познавательных моделей содержится в работах западных исследовате-

лей, придерживающихся либеральной парадигмы (Л. фон Мизес, Д. Боуз и др.). Для либерально-прогрессистского исследовательского направления характерен акцент на гуманистическом содержании идеологии либерализма. В отечественной социально-гуманитарной науке сформировалось направление, в рамках которого либерализму отказывается в гуманистическом содержании (А.С. Панарин, А.А. Зиновьев, Ю.Г. Волков, В.С. Малицкий).

В последние десятилетия существенно пополнился объем научной литературы по теме «русский консерватизм». Вместе с тем, сохраняются значительные исследовательские лакуны. Малоисследованными остаются отдельные аспекты (прежде всего, социально-философский и социально-политический) русского консерватизма. Отсутствуют обобщающие работы в рамках диссертаций и монографий, посвященных данному явлению с момента его возникновения в начале XIX столетия до настоящего времени. Однако приоритетной исследовательской задачей остается разработка методологического конструкта, позволяющего изучать русский консерватизм как многомерное и противоречивое идейное и общественно-политическое явление. Перспективным и этически корректным представляется исследовательский подход к изучению консерватизма, используя эвристические возможности консервативной парадигмы социально-гуманитарных наук.

В определенной степени решению означенной задачи посвящена монография А.Н. Кольева «Теория нации и государства. Теория консервативной реконструкции» (М., 2005). В данном исследовании сделан акцент на реконструкции методологического подхода, который мы обозначаем как консервативную парадигму социально-гуманитарного знания. Сходная задача, однако, с привлечением материала западноевропейского и американского консерватизма решается в книге А.М. Руткевич «Что такое консерватизм?» (М.—СПб., 1999).

Единственным на сегодняшний день обобщающим исследованием, в котором предметом анализа выступает русский консерватизм XIX–XX вв., а также предыстория консервативного феномена в России, является работа В.А. Гусева. В монографии «Русский консерватизм: основные направления и этапы развития» (Тверь, 2001), на основе которой была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, автор провел реконструкцию более, чем двухвековой интеллектуальной истории русского консерватизма сквозь призму исследовательских проблем периодизации и типологизации. Исследователь обоснованно выделяет в изучаемом явлении три основных этапа: дореволюционный, эмигрантский и современный, а также предлагает отдельно выделить этап так называемого предконсерватизма. Русский консерватизм типологизируется автором по нескольким ключевым критериям.

В.А. Гусев, исходя из целей и задач своего исследования, не предполагал социально-философского исследования русского консерватизма, хотя в той или иной мере обращался к анализу социально-философской проблематики в интеллектуальной традиции «национальной мысли» (по терминологии автора, синоним консервативной мысли). Поэтому сохраняется

актуальность изучения «полного хронологического цикла» русского консерватизма, исходя из социально-философского дискурса.

Отчасти существующую исследовательскую лакуну заполнила коллективная монография сотрудников ИРИ РАН «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000), в котором на основе привлечения обширного материала проведен анализ развития русского консерватизма на значительном историческом отрезке (1760–1905 гг.). Вместе с тем, в данной работе, написанной с марксистских позиций, сделан акцент на практике, а не идеологии (играющей подчиненную роль) данного явления. Исходя из прогрессистского методологического конструкта, авторы данного фундаментального исследования трактуют консерватизм как идеологию поместного дворянства. В основу системы типологизации русского консерватизма положен критерий прогрессивности/реакционности. В соответствии с предложенным дихотомическим конструктом вне сферы исследовательского внимания остались «прогрессивные» компоненты программ консерваторов-«реакционеров» (идея социального государства К.Н. Леонтьева, концепция монархического народного представительства Л.А. Тихомирова и др.).

Проблеме социально-философской антропологии в русском консерватизме посвящено диссертационное исследование философа Н.В. Честнейшина «Проблема человека в социальной философии русского консерватизма» (Архангельск, 2004). Автор исходит из положения, согласно которому «именно вопрос о природе и сущности человека, его предназначении и связи с социальным целым является основным источником спора между представителями консерватизма, либерализма и радикализма».

Устоявшаяся в литературе и верная лишь отчасти точка зрения на консерватизм как на идеологию коллективизма и антропологического пессимизма в определенной мере пересмотрена и уточнена в работах русских философов XX столетия (Н.А. Бердяева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.Г. Кудрявцева). Однако проблема соотношения гуманизма и консерватизма нуждается в дальнейшем социально-философском исследовании.

Одна из малоисследованных проблем темы «Русский консерватизм» – система взаимоотношений консерватизма и национализма». В современном социально-философском дискурсе понятие «национализм» является, как правило, производным от понятия «нация». Различные интерпретации понятия «национализм» в современной литературе обусловлены многообразием методологических подходов к изучению нации и, соответственно, самого национализма. Исторически возникли и развивались два основных подхода к объяснению феномена нации. В рамках первого («французского») подхода, впервые озвученного Э. Ренаном, нация трактуется как «нация-государство», т.е., совокупность граждан определенного государства. В рамках второго («немецкого») подхода, манифестированный в концепциях немецких романтиков начала XIX в. (И.Г. Гердер и др.) было разработано понятие нации как духовной и культурно-исторической общности. Второй подход к объяснению феномена нации признает важное, но не определяющее значение общему этническому происхождению, акцентируя вни-

мание на духовных, исторических и культурных аспектах. Русские консерваторы-националисты, занимавшиеся проблемами философской рефлексии (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров и др.), придерживались второго подхода, ранее сформулированного немецкими романтиками.

Понятие «национализм» продолжает сохранять аксиологическую нагруженность в отечественной литературе. Традиция оценочного подхода к национализму была заложена в рамках, означенных нами прогрессистских (либерального и марксистского) направлений в методологии социальной науки. Западная научная традиция изучения национализма, как правило, свободна от оценочных подходов. В определенной мере под ее влиянием в современной отечественной литературе наметились тенденции к более объективному изучению феномена национализма. Вместе с тем, отечественные исследователи критически пересматривают методологические конструкции изучения национализма, разработанные западными исследователями. В частности, обращено внимание на созидательный потенциал национализма как охранительной идеологии, направленной на защиту национальной идентичности (В.Н. Махнач, А.Н. Кольев, А.К. Дегтярев, В.М. Лурье, А. Зорин, А.Н. Дьяченко, А.Ю. Минаков, А.В. Елисеев, Д.А. Коцюбинский, Э.А. Попов, А.С. Кисиль). Определенное внимание русскому консервативному национализму уделено и в работах западных исследователей (Э. Таден, У. Лакер, Н. Моравский, А. Валицкий).

В последние годы появился ряд работ, предметом анализа которых выступает проблема демократии в различных идейно-политических направлениях в России. Прежде всего, следует назвать докторскую диссертацию философа Л.Д. Козыревой «Концепция народовластия в русской политической философии (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (СПб., 1999), посвященную сравнительному анализу идее народовластия в идеологиях либерализма, радикализма и консерватизма. В исследовании отмечается, что отдельные консервативные концепции отличало стремление «сформулировать принципы эффективного общественного самоуправления, дать аргументированную критику реальных пороков демократии». Автор сделал акцент на критике теории и социально-политической практике демократии русскими консерваторами. Сохраняет свою актуальность проблема развития принципов «народного участия» и «творческой демократии» в «положительных» программах русского консерватизма, изучение которой только начинается в научной литературе (Ю.Т. Лисица, Э.А. Попов, Д.А. Машенцев). Система взаимоотношений консерватизма и демократии не укладывается в рамки дихотомии принятие/отторжение – положение, которое было обосновано исследователями-консерваторами (Л.А. Тихомиров, К. Шмитт, И.А. Ильин).

Современный этап развития русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики наименее исследован в научной литературе. Несмотря на появление отдельных работ зарубежных и отечественных исследователей (Г. Рормозер, У. Лакер, А. Янов, В.А. Гусев, А.Н. Кольев, А. Щипков, А.А. Френкин, В. Радаев и др.), изучение современного русского

консерватизма находится на начальной стадии. Следует обратить внимание на наметившуюся тенденцию к политико-прикладному, а не социально-философскому или политико-философскому изучению данного общественно-политического феномена посткоммунистической России.

Итак, теме «русский консерватизм» посвящена довольно обширная литература. Однако все еще отсутствует социально-философское осмысление русского консерватизма как целостного общественного явления XX в., включающего в себя идеологию и социально-политическую практику. В современном научном дискурсе нет единства мнений по поводу сущности русского национализма, его характерных чертах и особенностях. Все еще не разработан методологический конструкт социально-философского изучения темы. Все это придает теме диссертационного исследования проблемный характер.

Цель научного исследования: провести социально-философское исследование сущности русского консерватизма, выявить его идеологические основания и раскрыть содержание социально-политической практики.

Задачи исследования:

- провести реконструкцию истории понятия «консерватизм», проанализировать основные исследовательские подходы к определению сущности консерватизма;
- выявить сущность консерватизма, реконструировать и охарактеризовать основополагающие принципы теоретико-познавательной модели консерватизма;
- уточнить содержание понятия «русский консерватизм», выявить онтологическую природу и социокультурные условия его формирования и развития;
- провести реконструкцию и охарактеризовать роль проблемы человека в социальной философии и теоретико-познавательной модели русского консерватизма;
- выявить постулаты консервативного подхода к определению природы и структуры социального в идеологии русского консерватизма и принципы социально-политической практики;
- провести реконструкцию развития идей национализма в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма;
- реконструировать и проанализировать развитие принципа «народного участия» в «положительных» программах русского консерватизма;
- выявить сущность, специфику и типологию современного русского консерватизма;
- выявить ключевые постулаты сущности методологических подходов русских консерваторов к проблеме «идеологии 21»;
- уточнить социальные «адреса» современного русского консерватизма;
- определить субъекты, принципы и цели социально-политической практики современного русского консерватизма.

Объект исследования – общеевропейский (христианский) консерватизм как общественно-политическое явление.

Предмет исследования – русский консерватизм как идеология и социально-политическая практика.

Методология исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составили принципы научной социальной философии, претендующей на метаторетическое обобщение результатов частных научных исследований. Это принципы холизма, научной объективности, холизма. Принцип холизма, требующий целостного рассмотрения предмета исследования, предполагает использование системного подхода к изучению русского консерватизма. Принцип научной объективности – поиск методологических средств, позволяющих адекватно реконструировать идеологию и социально-политическую практику русского консерватизма. Принцип историзма требует рассмотрения русского консерватизма как общественно-политического явления, имеющего двухвековую историю (XIX – начало XXI вв.) и находящегося в процессе постоянной идейно-политической эволюции в контексте исторических задач, стоящих перед Россией.

Сущность идеологических постулатов и принципов социально-политической практики русского консерватизма выявляется путем исследования логики их формирования и развития, через определение их исторических и теоретических источников, философско-мировоззренческих оснований и социокультурных детерминант. Принцип детерминации социально-философского определенным типом культуры позволяет сделать вывод, что понимание своеобразия русского консерватизма как социально-философского феномена становится возможным лишь в пространстве отечественной культуры.

В исследовании были использованы элементы методологии консервативной «школы» социально-гуманитарного знания. Ранее попытки реконструкции изучаемого явления сквозь призму мировоззренческого восприятия представителей определенной эпохи предпринимались в рамках структурно-семиотического подхода, разработанного в рамках московско-тартуской школы семиотики (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский). В вышедшей в 2005 г. монографии А.Н. Кольева «Теория нации и государства. Опыт консервативной реконструкции» также предпринята попытка подойти к анализу изучаемого явления, используя методологию консервативной концепции. Использование данного подхода позволило нам решить ряд исследовательских задач. В частности, определение сущности консерватизма было осуществлено на основе реконструкции теоретико-познавательной модели русского консерватизма (А.С. Хомяков, Л.А. Тихомиров, Н.А. Бердяев).

В качестве методологических оснований использовался методологический подход К. Манхейма к анализу «консервативного стиля мышления». Автор использовал также компаративистский метод, позволяющий провести сравнительный анализ осмысления ключевых социальных проблем в консервативной и прогрессистской (либеральной и социалистической) социально-философских парадигмах.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Впервые в отечественной научной литературе проведено социально-философское исследование русского консерватизма как целостного об-

щественно-политического явления. Выявлены его социокультурные основания, сущность и особенности идеологии и политической практики.

2. Разработан методологический подход к изучению консерватизма как идеологии, возникшей в условиях Нового времени, но являющейся в то же время «опрокинутой» формой (трансформацией) мировоззрения Средневековья.

3. Сделан принципиальный вывод об относительной автономности консервативной идеологии от социальных «адресов», о внеклассовом и надклассовом характере консервативной идеологии.

4. Выявлена сущность русского консерватизма, который являет собой идеологию и соответствующую ей социально-политическую практику, направленную на реализацию в настоящем и будущем некоей «идеальной» модели общественно-политического устройства, основанной на национальной культуре, принципы которой были реализованы в эпоху Русского Средневековья.

5. В результате содержательного анализа оригинальных текстов русских консервативных идеологов выявлено, что вопреки устоявшейся в научной литературе точке зрения социальная философия и теоретико-познавательная модель русского консерватизма носили персоналистский характер. В то же время персонализм русских консерваторов выступал в качестве антитезы либерального индивидуализма.

6. Выявлены постулаты консервативного подхода к природе и структуре общества, реконструирован процесс и охарактеризованы результаты формирования корпоративизма и солидаризма в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма.

7. Проведены реконструкция и анализ развития идей национализма в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма. Выявлено, что наряду с традиционным имперским направлением в русском консерватизме уже на первом этапе его развития возникает идеология так называемого национал-консерватизма или консервативного национализма. Русский национал-консерватизм типологизирован в виде трех направлений: политический, культурный и духовный национализм.

8. В работе на основе анализа подходов теоретиков и идеологов русского консерватизма обосновано принципиально новое положение, согласно которому в русском консерватизме были разработаны политические программы «народного участия» и «творческой демократии». Данные программы оппонируют принципам западной (либеральной и социальной) демократии.

9. Выявлены сущность и специфика современного русского консерватизма как в сравнении с предшествующими этапами развития консерватизма в России, так и в соотношении с современным западноевропейским и североамериканским консерватизмом. Проведена типологизация консерватизма в посткоммунистической России. Установлено, что наряду с идеологией русского консерватизма сосуществует ряд идеологических систем псевдоконсервативной направленности (превращенные формы либерализма и национал-большевизма).

10. Выявлены основные социальные «центры» – носители идеологии русского консерватизма в современной России, субъекты и принципы социально-политической практики современного русского консерватизма. Основными социальными группами, в рамках которых происходит процесс идеологотворчества русского консерватизма, являются Русская православная церковь, силовые структуры (армия, спецслужбы), отдельные группы культурной и научной элиты страны. Из субъектов политических процессов в современной России статусу консервативной в наибольшей степени соответствует блок/партия «Родина». Как следствие данного подхода, сделан вывод, что русский консерватизм представлен в политическом спектре Российской Федерации. Социально-политическая практика современного русского консерватизма связана с борьбой за власть (программа-максимум) и реализацией консервативной программы либо за влияние или давление на власть (программа-минимум), что делает вероятным реализацию отдельных положений данных программ. В то же время участие в избирательных кампаниях не является единственной и даже важнейшей формой социально-политической практики современного русского консерватизма. В работе прогнозируется вероятность постепенного отхода части консервативных образований (прежде всего партии «Родина») от участия в политическом процессе в его сложившихся формах и переход на позиции так называемой внесистемной оппозиции.

Положения, выносимые на защиту:

1. В социально-философском дискурсе существуют различные представления о сущности консерватизма как политической идеологии. В рамках ситуативного (функционального) подхода консерватизм трактуется как идеология, служащая для обоснования и идейно-политической защиты социально-политического статус-кво. В рамках данного подхода консерватизму отказано в наличии устойчивого идейного ядра. Консерватизм фактически выступает в качестве функциональной формы, способной сохранять различное идейно-политическое содержание. В рамках идейного (содержательного) подхода консерватизм трактуется в качестве идеологии, обладающей устойчивым идейным ядром, как и оппонирующие ему либерализм и социализм. Наряду с ситуативным и идейным в научной литературе сформировался ряд промежуточных подходов, в рамках которых предпринята попытка преодолеть методологические недостатки вышеозначенных подходов.

2. Консерватизм являет собой одну из трех основных политических идеологий современности, наряду с либерализмом и социализмом, генезис которых прослеживается в рационалистической философии Ренессанса и Просвещения. В отличие от двух вышеозначенных идеологий консерватизм – единственная политическая идеология современности, выступающая с антипрогрессистских позиций. Консерватизм – идеология, возникшая в Новое время и являющаяся, в то же время, «опрокинутой» формой (трансформацией) универсального мировоззрения Средневековья, компонентами которого являются: теоцентризм, органицизм, неверие в исторический и социальный прогресс, иерархичность и общинно-цеховое (корпоративистское) социальное сознание.

3. Русский консерватизм является идеологией и соответствующей ей социально-политической практикой, обосновывающей общественно-политическую модель «идеального» Русского Средневековья. Квинтэссенцией идеологии русского консерватизма являются следующие тезисы: возрождение «идеального» самодержавия и системы взаимоотношений между властью, церковью и обществом, существовавшей до начала вестернизации середины XVII в.; развитие традиционной, основанной на православии, русской культуры; основу социальной жизни составляет принцип общинности.

4. Консервативная идеология в России, как и оппонировавшие ей идеологические системы, не является идеологией определенных страт общества (в данном случае – феодального дворянства) и в целом достаточно автономна от социальной базы. Русский дореволюционный консерватизм исторически был связан с дворянским сословием, однако дворянство следует рассматривать как первую русскую интеллигенцию, которая являлась социальным слоем, в рамках которого происходило формирование различных идеологических систем. Для русского консерватизма, как и для других идеологических систем, классовый фактор не являлся определяющим. Более важным значением, чем классово-эгоистичные интересы, обладали социокультурные традиции. Консервативные симпатии определялись преимущественно принадлежностью к слою носителей традиционной культуры. Следует подчеркнуть, что принадлежность к определенному социокультурному слою не носила детерминированного характера.

5. В русском консерватизме получает принципиально иное, чем в либерализме, раскрытие проблемы человеческой личности. В качестве наиболее характерных образцов «стиля мышления» и социально-философской антропологии русского консерватизма следует назвать историографическую методологию Н.М. Карамзина, социальную и религиозную философию «старших славянофилов», художественное творчество Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева. В идеологии и теоретико-познавательной модели русского консерватизма наблюдается повышенный интерес к проблематике «внутреннего» («сокровенного») человека. Первоисточник этого подхода – святоотеческое православно-христианское учение, из которого ведет генезис идеология русского консерватизма. Персонализм, принцип социализированной и воцерковленной личности, разработанный в рамках русского консерватизма, является антитезой либерального индивидуализма. Индивид, согласно консервативной трактовке, в полной мере обладает предикатами личности, лишь являясь полноправным членом духовного (церковь), исторического (нация) и социального (община) организмов.

6. В идеологии русского консерватизма получила трактовку идея общества как сложного социального организма, состоящего не из индивидуальных, а коллективных личностей: сословий, корпораций, общин и др. Органицистское понимание природы и структуры социального в рамках русского консерватизма являлось антитезой атомизированного (индивидуалистического) общества либерализма. Развитием изложенных выше принципов стала концепция корпоративной монархической государственности Л.А. Тихоми-

рова. Отдельные положения данной концепции были реализованы в социально-политической практике русского консерватизма на рубеже XIX–XX вв.

7. Ведущими идеологами русского консерватизма (Д.А. Хомяков, Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин, И.Л. Солоневич и др.) были разработаны концепции «народного участия» и принципы социально-политической практики, сделан принципиальный вывод о необходимости реального, а не формализованного участия народа в государственном управлении и местном самоуправлении. В рамках русского консерватизма были выработаны принципы отбора народных представителей, альтернативные принципам парламентарной демократии, основанные на идее представительства социальных групп (Л.А. Тихомиров) и «слоя лучших» (И.А. Ильин). Данное направление русского консерватизма («народная монархия») оказывает определяющее влияние на идеологию и социально-политическую практику современного русского консерватизма.

8. Консерватизм в современной России представлен двумя направлениями: «идеологическим» (т.е., консерватизмом в точном значении данного термина) и «политическим» («прагматическим»), в котором акцент сделан на «прикладных» постулатах консерватизма: патриотизме, державничестве, идее державообразующей роли русского народа в государстве Российском, социально ориентированном государстве и др. «Политический» («прагматический») консерватизм не институционализирован, его адепты представлены в различных провластных и оппозиционных политических партиях, в среде научной общественности. Та или иная идеология или политическая сила, претендующая на статус консервативной, в той или иной мере декларируют преемственность от консервативной традиции в России. Тем самым, консерватизм в современной России является именно *русским* консерватизмом.

9. Идеологические постулаты русского консерватизма и методологические подходы русских консерваторов к проблеме идеологического творчества обладают несомненной значимостью в свете проблемы «идеологии 21», проекте патриотической научной элиты страны. Позитивное решение данной проблемы актуализирует задействование постулатов идеологии и принципов социально-политической практики, выработанных в рамках русского консерватизма.

10. Основными «центрами» разработки идеологии современного русского консерватизма являются Русская православная церковь, силовые структуры, отдельные группы творческой и научной интеллигенции. Субъектом социально-политической практики, реализующей национально-мобилизующую «идеологию 21», должны выступить широкие слои российского общества.

11. Значительная часть населения страны являются носителями либо симпатиками консервативной идеологии, что, в частности, проявляется в электоральном поведении российских избирателей. Возникновение «феномена Путина» обусловлено социальным заказом народа России на осуществление Консервативного Проекта – возрождения державной мощи России, построение социально справедливого государства, что актуализирует задействование нелиберальных принципов.

12. Социально-политическая практика современного русского консерватизма представлена деятельностью многочисленных партий и организаций и осуществлялась в самых разных формах политического и неполитического участия. Главным направлением социально-политической практики современного русского консерватизма было «участие во власти» (КРО, «Родина», «Народная воля» и др.). Единственным на сегодняшний день крупным электоральным успехом консерваторов стала победа блока «Родина» на выборах в Государственную думу в декабре 2003 г.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основное теоретическое значение изучения идеологии и социально-политической практики русского консерватизма состоит в качественном приращении знания в социальных науках.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы в социально-политической практике: реформирования систем местного самоуправления и народного представительства, национальной политики, в сфере взаимоотношений бизнеса, общества и государства. Теоретические положения, выдвинутые и обоснованные в данной работе, могут найти применение при подготовке программных документов современных российских политических партий и общественных и общественно-политических движений, разработке их стратегии и тактики.

Материалы диссертационного исследования использовались при подготовке учебников и учебных пособий по курсу исторической политологии, чтении спецкурсов по теоретическим проблемам и историческим аспектам политических идеологий. Они могут быть использованы также в преподавании истории философии, политологии и т.д.

Апробация работы. Основные идеи диссертационного исследования прошли апробацию в опубликованных автором статьях и монографии, нашли отражение в докладах и выступлениях перед научным сообществом:

на всероссийской научной конференции «Восток. Запад. Россия» (14–15 октября 1993 г., Ростов-на-Дону); на всероссийской научно-теоретической конференции «Либеральный консерватизм в России: история и современность» (24–25 мая 2000 г., Ростов-на-Дону); на международной научно-практической конференции «Славяне в мировой культуре и истории» (22–23 мая 2003 г., Ростов-на-Дону); на всероссийской научно-практической конференции «Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма» (13–14 декабря 2003 г., Ростов-на-Дону); на всероссийской научно-теоретической конференции «Правовое и политическое взаимодействие» (24–25 мая 2004 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) и др.

Диссертация обсуждалась на кафедре социологии, политологии и права ИППК РГУ.

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 39 научных и учебных работ общим объемом более 22 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, одиннадцати параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** рассматриваются актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности; ставится проблема исследования; определяются его цель, задачи, объект, предмет, методологические основы, новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; показываются теоретическая и практическая значимость результатов исследования и их апробация.

В первой главе «**Теоретико-методологические проблемы исследования консерватизма**» анализируются различные подходы к понятию консерватизма в социальном научном знании, предложен и обоснован методологический конструкт социально-философского исследования русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики на различных этапах его развития.

В первом параграфе «История понятия «консерватизм»: основные подходы» исследуются сложившиеся в научной литературе подходы к изучению консерватизма как политической идеологии.

Термин «консерватизм» применительно к сфере политической идеологии был введен в оборот в конце 1810 года французским роялистом и классиком европейской литературы Франсуа Рене де Шатобрианом. Научное изучение консерватизма началось приблизительно в середине XIX столетия. Перед исследователями феномена консерватизма возникла проблема методологического плана: какое наследство призван охранять (консервировать) консерватизм? Идет ли речь о сохранении некоей универсальной Традиции или консерватизм нацелен на сохранение локализованной во времени социально-политической ситуации, общественно-политического статус-кво? Сложившаяся методологическая ситуация привела впоследствии к появлению двух основных теоретико-методологических подходов к определению сущности консерватизма. Сторонники первого, идейного (содержательного) подхода исходили из трактовки консерватизма как политической идеологии, обладающей устойчивым идейным ядром, по аналогии с другими, оппонирующими ему политическими идеологиями (К. Мангейм, К. Поппер, Э. Гидденс, Э. Хобсбаум, Е. Шацкий, Н.А. Бердяев, А.С. Панарин, А.М. Руткевич, А.Н. Кольев, М.М. Федорова, А.Н. Ерыгин, В.П. Макаренко, Ю.Г. Волков, В.С. Малицкий, В.В. Шелохаев, В.И. Приленский, В.Я. Гросул, А.Г. Дугин, В.А. Гусев, Г.И. Мусихин, М.Ю. Чернавский и др.). Этими исследователями отмечалось, что в отличие от либерализма и социализма консерватизм вдохновляется не проектами построения будущего (в этом смысле и либерализм, и социализм являются проектами прогрессистскими), а сохранением и сбережением универсальных, вечных ценностей.

В рамках идейного (содержательного) подхода наличествует ряд методологически различных направлений. Социологический акцент в определении консерватизма сделан одним из родоначальников научного изучения консерватизма, немецким социологом К. Мангеймом в классическом

исследовании «Консервативная мысль». Он определяет консерватизм в качестве особого, исторически и социологически укорененного типа мировоззрения (для определения последнего К. Мангейм ввел специальный термин – «стиль мышления»). По мнению социолога, консерватизм является идеологией, возникшей в качестве реакции на мыслительные образцы философии Просвещения и революционные социально-политические инновации Великой французской революции 1789 г. Консерватизм стал духовным и интеллектуальным ответом на идеологию буржуазного общества: либерализма, рационализма, индивидуализма и просветительской философии. К. Мангейм, в значительной мере под влиянием марксизма, положил начало методологической традиции, которую можно определить как социоцентристское направление в рамках идейного подхода. Представители данного методологического направления трактуют консерватизм и политические идеологии в целом как продукт идеологического творчества определенных социальных групп. В отношении консерватизма – феодальных страт общества: дворянства, цеховых ремесленников, духовенства и др. Логическим развитием социоцентристской методологии стал бы вывод об отмирании консерватизма как политической идеологии в результате «смерти» его социальных носителей – феодальных страт общества.

Эвристические недостатки социоцентристского подхода были отмечены представителями идеократического направления. Русский философ Н.А. Бердяев в книгах «Новое средневековье» и «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» обратил внимание на вневременную онтологическую природу консерватизма, не локализованную конкретной социально-политической ситуацией и исторической эпохой.

Второй подход к определению консерватизма получил название ситуативного (функционального), как стремление к сохранению статус-кво. По мнению сторонников ситуативного подхода, в отличие от либерализма и социализма консерватизм не имеет устойчивого идейного ядра и принимает разные формы в различные исторические периоды. В этом принципиальное отличие консерватизма от либерализма и социализма, имеющих устойчивое идейное ядро. Консерватизм, фактически, сводится к функции, является формообразующей оболочкой для вмещения любой идеологической составной.

Манифестом ситуативного подхода стал классический труд американского философа С. Хантингтона «Консерватизм как идеология». В настоящее время в зарубежной и отечественной научной литературе сформировалось отдельное направление (П.Б. Струве, П.Ю. Рахшмир, А.Ю. Мельвиль, К.С. Гаджиев и др.).

Ситуативная (функциональная) трактовка консерватизма размывает методологические границы данного явления, в рамках которого объединяются носители различных мировоззренческих и идейно-политических ценностей.

Наряду с идейным и ситуативным подходами существует ряд промежуточных или компромиссных подходов к определению сущности консерва-

тизма. В рамках этих подходов предпринимаются попытки преодоления эвристических недостатков, связанных с фактическим отсутствием консерватизма в его классической форме в социально-политической практике современного мира (идейный подход), и с размытыми методологическими границами данного явления (ситуативный подход).

Во втором параграфе «Сущность и теоретико-познавательная модель консерватизма» обосновывается разработанный автором методологический конструкт социально-философского исследования консерватизма, анализируется понятийный аппарат изучения темы, реконструируются постулаты «консервативного стиля мышления».

Консерватизм представляет собой идейно-политическое явление, имеющее устойчивое идейное ядро, возникшее и развивающееся в странах европейской (христианской) культуры. В отличие от двух других основных идеологических систем современности – либерализма и социализма – консерватизм представляет собой антипрогрессистское направление, методологию которого составляет не та или иная форма безрелигиозного рационализма, а философский теизм. Консерватизм рассматривается как феномен уникальных христианских (западно- и восточноевропейского) социокультурных миров. Идеология консерватизма берет истоки в Традиции, основанной на христианских ценностях. Признание христианского мироустройства и божественной иерархии как *единственного* образца для государственного и общественного творчества является квинтэссенцией консерватизма. Феодализм же является превращенной, ограниченной историческими рамками, формой этой универсальной традиции. Консерватизм следует обозначить как реакцию «средневекового» религиозно-корпоративного сознания на революционные изменения в мировоззрении и социальные инновации Нового времени.

В научной литературе сложилось устойчивое мнение, согласно которому консерватизм, в отличие от прогрессизма (либерализма и социализма), является апологией прошлого, Золотого века. Приведенная здесь точка зрения нуждается в существенном уточнении. Консерватизм не является ретроспективной идеологией так же, как и либерализм и социализм он устремлен в будущее, но не путем разрыва с прошлым, объявленного идеологами прогрессизма «темными веками». В основе консервативной идеологии находится религиозный субстрат, подчеркивается ограниченность исторического и социального прогресса, хотя и не отвергает его как таковой. Апелляция консерваторов к Средневековью объясняется не ностальгическим пафосом, а представлением о нем как об эпохе, в которой наиболее полно осуществились идеалы Вечности. Не апологетизируя социальные институты и исторические формы бытия Средних веков, консерватизм считает идеалы Средневековья своими идеалами.

Консерватизм отличался от прогрессизма не только содержательно, но и методологически, являя собой совершенно иную мыслительную традицию. Уже в начале XIX столетия в Западной Европе и России начинает формироваться консервативная парадигма социально-гуманитарных наук. Осно-

ву теоретико-познавательной модели данного направления составляет консервативное мировоззрение (по определению К. Манхейма, «консервативный стиль мышления»), основанное на религиозной картине мира и взаимосвязанных «средневековых» (традиционалистских) представлениях о человеческом обществе и человеческой личности. Человек в идеологии консерватизма не может быть признан полноценной личностью без своей включенности в целый ряд микросоциумов: конфессиональных групп, территориальных и церковных общин, сословий или корпораций и т.д.

В исследовании идеология понимается как производная определенного типа универсального мировоззрения (в отношении консерватизма – условно именуемого традиционалистским). В современном мире существуют три основных вида политической идеологии: либерализм и социализм (идеологии прогрессизма) и консерватизм, в рамках которых существуют многочисленные подвиды. Идеология понимается как система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений. Реализация этих целей и программ осуществляется в процессе социально-политической практики.

Во второй главе **«Русский консерватизм: социокультурный фон и проблема гуманизма»** проведен анализ двух взаимосвязанных аспектов русского консерватизма: социального опыта общественных групп – носителей консервативной идеологии и особенностей гносеологии «консервативного стиля мышления» в России сквозь призму центральной для русской философии проблемы человека.

В первом параграфе **«Русский консерватизм: онтологическая природа и социокультурные условия»** уточняется содержание понятия «русский консерватизм». Русский консерватизм, являясь составной частью консерватизма общеевропейского (христианского), подпадает под видовые характеристики данного явления, а именно: является политической идеологией, возникшей в Новое время, но, в то же время, представляющей собой «опрокинутую» форму (трансформацию) мировоззрения Средневековья. Теоретико-познавательная модель русского консерватизма во многом идентична аналогичной модели западноевропейского консерватизма. Существенные различия обусловлены различием духовного и культурного ядра восточно- и западнохристианской цивилизаций, а также различием социально-исторического развития Восточной и Западной Европы. «Основополагающим мотивом» (К. Манхейм) возникновения русского консерватизма выступила рационалистическая вестернизация русской жизни, начавшаяся в середине XVII столетия, апофеозом которой стали реформы Петра I.

В работе сделан принципиальный вывод, что принадлежность к носителям консервативной идеологии не носила жестко детерминированного классового характера и не определялась принадлежностью к тому или иному сословию дореволюционного русского общества. Сословно-классо-

вые, в той или иной мере социально-эгоистичные интересы, безусловно, оказывали свое воздействие на формирование идеологических установок. В то же время консерватизм, как и оппонирующие ему идеологические системы, предполагает определенную бескорыстность (идейность) своих носителей, что и определяло его притягательность для различных социальных слоев. В противном случае он являлся бы идеологией привилегированных сословий (прежде всего, поместного дворянства) и правящей бюрократии, что не подтверждается на материале русского консерватизма. Изучение последнего позволяет сделать вывод, парадоксальный для исследователей, понимающих идеологию как «голый интерес»: наиболее консервативным слоем русского общества являлось не привилегированное дворянское сословие, а крестьянство, стоявшее на низшей ступени социальной иерархии традиционного общества. Включенность в среду носителей традиционной культуры оказывала, в итоге, более ощутимое воздействие на формирование аксиом политического сознания, пусть даже на самом приземленном уровне, чем нахождение на вертикальной шкале социальной иерархии. Дворянство, точнее его интеллектуальные круги, в течение длительного времени играло роль первой русской интеллигенции. Дворяне-интеллектуалы были представлены в различных идейно-политических направлениях общественно-политического спектра России, в том числе, оппозиционных и революционных. Противоречивость дворянского сословия характеризуется известным антагонизмом между социальной привилегированностью данной общественной страты и «прививкой» западной культуры, что делало его восприимчивым к усвоению «передовых» идей, выработанных в лаборатории западноевропейской общественно-политической мысли. Позднее, в период проведения буржуазных реформ и разрушения традиционного общества, лидирующие позиции дворянства как сословия-культургера были существенно ослаблены: на смену дворянской интеллигенции приходит бессословная (разночинная) интеллигенция.

Наименее восприимчивым к влияниям западной культуры социокультурным слоем традиционного русского общества являлись полупривилегированные и демократические сословия: духовенство, мещанство, гильдейское купечество, казачество и, прежде всего, крестьянство. Не обладая в должной мере необходимыми интеллектуальными навыками (в данной сфере конкуренцию дворянству могла составить лишь привилегированная часть «черного» духовенства, политизация которого происходит накануне крушения русской исторической государственности), эти слои оставались носителями стихийного традиционализма или «естественного консерватизма» (К. Манхейм). Оставаясь антиинтеллектуальным явлением, стихийный традиционализм социальных низов обладал огромным резервом прочности. В начале XX столетия основными субъектами социально-политической практики русского консерватизма становятся «черные миллионы» – представители широких демократических слоев русского общества: мещане, крестьяне, в меньшей степени рабочие. Именно русское крестьянство составляло подавляющее большинство численного состава правых (консер-

вативных) партий. Представители дворянства, наиболее культурного и организованного слоя, преобладали в руководящих органах местных отделов и всероссийских главных палат правомонархических партий.

В условиях эмиграции и советского подполья происходит окончательный разрыв между идеологией и социальным слоем – тенденция, наметившаяся уже в дореволюционный период. Носителями идеологии русского консерватизма становятся утратившие сословные характеристики интеллигенция и духовенство. Существенно изменилась направленность целеполаганий вышеозначенного идейно-политического направления. «Основопологающим мотивом» русского консерватизма на данном этапе становится не сохранение/возвращение сословных привилегий и даже не воссоздание преходящего института монархической верховной власти, а возрождение традиционной русской духовности и культуры, а также принципов, а не конкретно-исторических форм общественно-политического устройства.

Во втором параграфе «Проблема человека в социальной философии и теоретико-познавательной модели русского консерватизма» анализируется центральная для социальной философии русского консерватизма проблема человека, которая дает ключ к пониманию консервативных концепций общественно-политического устройства.

В научной литературе прочно утвердилось мнение о консерватизме как коллективистской идеологии. Определенные основания для подобной точки зрения, безусловно, существуют. Вместе с тем, социальная философия и теоретико-познавательная модель русского консерватизма носят в большей степени антропоцентричный характер, чем в либерализме, главном оппоненте консервативной идеологии.

Хорошо известен, и в целом не вызывает возражений, тезис об антропологическом пессимизме консерватизма, в целом, и русского консерватизма, в частности. Однако исследователи, акцентирующие на нем внимание, зачастую выпускают из вида то обстоятельство, что консервативная критика, как правило, была направлена в адрес «непросвещенного» человека, находящегося в плену собственных «страстей» и не сдерживаемого «священными преданиями» религии и производных от нее морали и культуры. Лейтмотивом социальной философии и идеологии русского консерватизма являлся тезис о приоритете нравственного и культурного воспитания общества и «образования» (в первичном понимании этого слова) отдельного человека (прогрессизм игнорировал значимость данной задачи либо ставил ее в зависимость от политической или экономической эмансипации общества). Отсюда постоянный интерес русских консерваторов к проблематике «внутренней свободы» как своеобразного «компенсатора» политической несвободы. Данная установка встречается, в частности, у Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и, особенно, у К.Н. Леонтьева.

Иная версия консервативной социально-философской антропологии и теоретико-познавательной модели разработана в рамках славянофильско-почвеннического направления русского консерватизма. Философы славянофильского направления русской мысли на основе святоотеческой пра-

вославленной традиции выстроили альтернативную концепцию *внутренней цельности разума* (И.В. Киреевский) или *цельного разума* (А.С. Хомяков), исходящей из принципа единения всех мыслительных, духовных и душевных качеств человеческой личности.

Для представителей славянофильства и почвенничества характерно понимание человека не как самодостаточного индивидуума, человеческой монады, а как самостоятельного члена духовного организма – Церкви. Но человек, отпавший от тела Церкви, порвавший нравственные связи с другими человеческими самостями и превратившийся в «уединенную или обособляющуюся личность» (Г.В. Флоровский), утрачивает свою духовную значимость. В этом принципиальное отличие персонализма консерваторов от индивидуализма либералов (и, особенно, либертарианцев), априори признающих высшее значение индивидуума со всеми его пороками и эгоистичными устремлениями. Человек в гносеологии русских консерваторов представляет собой высшую ценность, если осознает собственное существование не для себя одного, а для целого – Церкви, Родины, общины, семьи.

Развитием идеи высокого значения человеческой личности, заложенной в религиозной и социальной философии славянофилов, стал художественный метод идеолога почвенничества Ф.М. Достоевского, позднее интерпретированный М.М. Бахтиным как «полифонический роман Достоевского». В художественном методе писателя получило своеобразное раскрытие идея соборности (понятие, разработанное в философии «старшего славянофильства»). Суть этой идеи – признание высочайшей ценности человеческой личности, но личности не обособленной (человека-для-себя), а гармонизирующей с обществом, находящейся в общении с другим «Я».

Своеобразие «консервативного стиля мышления» в России проявилось, в частности, в том, что персоналистская направленность идеологии наиболее полно раскрывается не в отвлеченных философских схемах о человеке, а в художественном творчестве тех писателей, у которых человек является *методом* познания духовной и социальной действительности.

В **третьей главе «Структура консервативной модели общественного устройства России: социальное, национальное, политическое»** проведено комплексное исследование «идеальной» модели общественно-политического устройства русского консерватизма через анализ основных аспектов данной концепции.

В **первом параграфе «Природа и структура социального в идеологии русского консерватизма. Принципы социально-политической практики»** выявлены постулаты консервативного подхода к природе и структуре общества. Органицистское понимание общества, характерное для идеологии русского консерватизма, предопределило отрицательное отношение консерваторов к механистичному переносу общественно-политических институтов Западной Европы на русскую почву. Оппозиционность консерваторов к правительственному реформизму и экспериментаторским интеллектуальным проектам либералов была обусловлена в большей мере не степенью радикализма тех и других, а неорганичным характером преобразований,

сводившихся к копированию чужеродных образцов. Органицизм, являясь системообразующим принципом «консервативного стиля мышления» в России, подводил теоретическое обоснование под консервативные воззрения на сложную социальную структуру общества, давал оправдание социальной иерархии. Русские консерваторы, постоянно дискутируя с идеологией либерализма, подчеркивали, что «общегражданский строй» либералов является синонимом атомизированного общества. В отличие от либерализма, консерватизм преимущественно оперирует не понятиями «государство» и «индивид», а срединным понятием «коллективной личности», под которыми понимаются «естественные», органичные социальные стра- ты – общины, сословия, корпорации и т.д.

Вопрос о проблеме консервативного реформизма сохраняет свою дискуссионность в научной литературе. Дdiamетрально противоположные точки зрения на консерватизм как антитезу социального реформирования и, с другой стороны, как идеологию и социально-политическую практику – антагонистов радикальных (вплоть до революционных) инноваций, являются категоричными и нуждаются в корректировке. Ключ к раскрытию данной методологической проблемы дает анализ органицизма как системообразующего принципа теоретико-познавательной модели русского консерватизма. Консерваторы подчеркивали «естественное» происхождение общества, что делало невозможным (или нецелесообразным) произвольный перенос политического и социального опыта и институтов на инокультурную почву, ограничивало возможности реформирования общественно-политической системы в соответствии с абстрактными теориями, имеющими искусственное («книжное») происхождение. Вместе с тем, настороженное отношение к социальным инновациям в рамках «консервативного стиля мышления» в России не носило абсолютного характера. Русский консерватизм не являлся слепой апологией застоя, но, в то же время, не представлял собою идеологию умеренности и постепенности. Консервативное творчество и консервативный реформизм заключались преимущественно не в дозированности социальных изменений, а в характере вышеозначенных реформ. В том случае, когда проекты преобразований не затрагивали сущностных сторон жизнедеятельности общества и предполагали органичное исправление, может идти речь о консервативном творчестве и консервативном реформизме. В определенных случаях консерваторы считали допустимым пожертвовать конкретно-историческими формами и социальными институтами (крепостное право, община, даже монархическая государственность) во имя сохранения целого, т.е., сложившегося культурно-исторического типа. Консервативный призыв «не к состоянию древней России, а к пути древней России» (К.С. Аксаков) делал теоретически возможным также и создание новых социальных институтов, если они вписывались в социокультурную и общественно-политическую архитектуру. Социально-политическая практика русского консерватизма (дореволюционного, эмигрантского, современного) свидетельствует о значительном потенциале консервативного реформизма, в отдельных случаях принимавшего не менее радикальные формы, чем реформизм прогрессистов.

Важным постулатом идеологии русского консерватизма являлась концепция классовой солидарности, в основу которой положена идея о надклассовой природе самодержавия, которое играло роль арбитра социальных споров. Декларировалось, что самодержавная власть отстаивает интересы всей нации, а не отдельной социальной группы. Реальная социально-политическая практика русского самодержавия «петербургского периода» не укладывалась в рамки идеализированной консерваторами формы общественно-политического устройства. Теоретическим открытием консерваторов стала теория так называемых средостений – привилегированных социальных слоев, опосредующих между монархом и народом. Вышеозначенная теория славянофильского происхождения была включена в идейно-теоретический багаж русского консерватизма (Л.А. Тихомиров, И.Л. Солоневич и др.) и дополнена тезисом о необходимости возврата к «чистому» самодержавию, стоящему над эгоистичными социально-классовыми интересами и конфликтами.

Используя социально-политический критерий, русский дореволюционный консерватизм типологизируется на три направления: консерваторы-общественники (славянофилы и почвенники), государственнический или бюрократический консерватизм (Н.М. Карамзин, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев), сословно-корпоративистский консерватизм (К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров). В рамках последнего была разработана доктрина корпоративного монархического государства. «Основополагающим мотивом» данной концепции послужил консервативный постулат об обществе как социальном организме, состоящем из коллективных членов или личностей. Соответственно представительство интересов нации понималось как представительство конкретных социальных групп – подход, получивший развитие в консервативных концепциях «народного участия».

Принципы корпоративизма, разработанные в рамках сословно-корпоративного направления, в определенной мере получили развитие в социально-политической практике русского консерватизма. Элементы корпоративной доктрины были реализованы в виде легальных рабочих организаций на рубеже XIX–XX вв. (так называемый полицейский социализм). Противоречивые итоги деятельности лояльных монархии рабочих «профсоюзов» привели к сворачиванию смелого социального эксперимента.

Во втором параграфе «Национализм в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма» анализируется генезис и развитие национализма в идеологии русского консерватизма, а также цели и формы осуществления данных идеологических постулатов в социально-политической практике. Рассматриваются имеющиеся в научной литературе представления о сущности национализма, возможности различных парадигм его изучения, разработан методологический конструкт социально-философского исследования русского национализма в его консервативном варианте.

Развитие русского национал-консерватизма проходило в условиях идейно-теоретической полемики и политического противостояния с официальной имперской идеологией самодержавной России. Русский национализм

в его консервативном варианте остался преимущественно клубным течением интеллектуалов-русофилов. Лишь на последнем этапе существования монархической государственности отдельные идеологические постулаты данного течения были реализованы в социально-политической практике власти. Более значимым направлением социально-политической практики русского национал-консерватизма (сосуществовавшего параллельно с национал-либерализмом «веховского» направления российского либерализма) стала деятельность правомонархических партий и организаций начала XX в., а также правого крыла Русского Зарубежья.

В русском консервативном национализме достаточно четко прослеживается существование трех подвидов национализма: политического, культурного и духовного. Данные подвиды консервативного национализма являли собой идейно-политические, организационно неструктурированные направления. Линия водораздела между ними, в отдельных случаях достаточно условная, пролегла в разной расстановке акцентов при формулировке целеполаганий. Форму и масштабы широкого общественного движения получил лишь политический национализм в виде идеологии и социально-политической практики правомонархических партий, стратегическая цель которых заключалась в завоевании русскими политической власти в условиях модернизирующейся России. В силу элитарности культурный национализм (славянофилы, К.Н. Леонтьев) и духовный национализм (славянофилы, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин), отдававшие приоритет развитию самобытной национальной культуры и религиозному мессианизму, не получили реализации в социально-политической практике. В то же время идейно-теоретический уровень этих концепций существенно превышал уровень идеологических построений политического национализма.

В третьем параграфе «Развитие идеи «народного участия» в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма» анализируется система взаимоотношений консерватизма и демократии в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма.

Консерватизм в России и мире возник в течение длительного времени и развивался в оппозиции идеи народовластия. Демократия исторически являлась политическим противником консерватизма, идеологией монархической государственности. Тем не менее, анализ материала русского консерватизма позволяет заключить, что система взаимоотношений между данными идеологическими моделями не укладывается в дихотомию принятие/отторжение. Идеологами русского консерватизма демократия типологизировалась на два основных течения: либеральную и социальную, соответственно, либерализм и социализм. Критика либерально-демократической и социалистической моделей, их идеологии и социально-политической практики занимает важное место в развитии интеллектуальной традиции русского консерватизма. Наиболее концептуальными являются консервативные проекты Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина.

Системообразующим принципом тихомировской консервативной доктрины является идея верховной власти, генезис которой восходит к полити-

ческой философии Аристотеля. Анализ вышеозначенной доктрины позволил сделать вывод, что наряду с «Политикой» Аристотеля к числу ее основных источников следует отнести концепцию ведущего идеолога русского либерализма Б.Н. Чичерина («Курс государственной науки») и классический контракт теоретика радикальной демократии Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре». Вслед за Б.Н. Чичериным, Тихомиров выделял следующие предикаты верховной власти (синоним суверена): она едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща, является источником всякой подчиненной («управительной») власти в государстве. Принципиальная критика консервативным идеологом чичеринской концепции заключалась в содержащейся в последней идее «сочетанной» (т. е., смешанной) верховной власти. Практическим преломлением данного теоретического спора стала консервативная критика либеральной концепции разделения властей и альтернативы самодержавию – конституционной монархии. В представлении консерваторов последняя являла собой закамуфлированную форму демократии, при которой реальная верховная власть принадлежит народу-Суверену.

В концепциях и доктринах русских консерваторов последовательной и аргументированной критике подвергаются не только постулаты либеральной демократии: равенство, политическая свобода, идея верховной власти народа и др., но и социально-политическая практика представительной демократии. Различные институты последней: политические партии, парламентаризм и др. – главный предмет консервативной критики. По мнению консерваторов, ложная идея парламентаризма («великой лжи нашего времени») заключается в теоретически ошибочном и практически неосуществимом принципе: делегировании народной воли «народным избранныкам» – депутатам парламента. С их точки зрения (ранее подобная система аргументации была разработана Ж.Ж. Руссо), чужую волю невозможно представлять, поскольку народной воли (в отличие от народного духа) в действительности не существует. Реально члены парламента представляют собственную или партийную волю и интересы, а не волю народа. Тем самым, происходит подмена общенациональных интересов частными и групповыми (партийными, корпоративными и др.). В политико-правовой концепции И.А. Ильина, развивающей «классические» положения консервативной критики парламентаризма, предложен термин «тоталитарной демократии». Философ русского зарубежья акцентировал внимание на тоталитарной сущности советского коммунизма и западной социал-демократии. Для характеристики современной ему либеральной демократии Ильин использовал понятие формальной демократии. В основу последней положен принцип формального равенства индивидуальных волей, приоритет количественного (механической суммы частей) над качественным (иерархия способностей, духовных, волевых, интеллектуальных качеств). По мнению И.А. Ильина, формальная демократия типологически близка к тоталитаризму. Реализация либерально-демократической модели в посткоммунистической России представлялась ему наихудшим сценарием для страны.

Проблема демократии в идеологии русского консерватизма не сводится к анализу консервативной критики идеологии и социально-политической практике различных вариантов демократии. В отдельных направлениях русского консерватизма (в наиболее концептуализированном виде – в идеологии «народной монархии», идейно-политическом течении русского зарубежья) получил развитие принцип «народного участия», подразумевавшего широкое участие народных представителей в местном самоуправлении и центральном управлении при условии сохранения монархической верховной власти. Первым по времени возникновения консервативным проектом «народного участия» стала славянофильская идея воссоздания института Земских соборов и местного («земского») самоуправления, элементы которой получили реализацию в социально-политической практике самодержавной власти в 1860–1870-е годы. В доктрине Л.А. Тихомирова разработана теоретическая модель монархического народного представительства, основанного на принципах сословно-корпоративного (а не партийного) представительства. Созданная в условиях эмиграции концепция «творческой демократии» (антитеза «формальной демократии») И.А. Ильина была основана на принципе социальной селекции, отбора лучших представителей нации для участия во власти. Подобная форма выдвижения лучших представителей каждого социального слоя должна была препятствовать, по мнению консерваторов, узурпации народного представительства слоем профессиональных политиков и позволила бы создать подлинное, а не формальное представительство народа.

Историческое противостояние консерватизма и демократии потеряло свою актуальность в результате революционных потрясений в России. Идеологи русского консерватизма в изменившихся условиях оппонировали не идее народовластия, а монополии на этот принцип со стороны либеральной демократии западного типа.

Отдельные «демократические» положения консервативной идеологии были реализованы в социально-политической практике русского консерватизма. Ряд видных русских консерваторов (Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и др.) приняли участие в организации и практической деятельности земских организаций, целесообразность создания которых обосновывалась «старшими славянофилами». Деятельность так называемых зубатовских организаций, по сути первых российских профсоюзов, также можно рассматривать в интересующем нас контексте. Созданные по проекту Л.А. Тихомирова лояльные монархии рабочие союзы и ассоциации, возможно, являлись (по крайней мере, в потенциале) формой организации местного самоуправления на профессионально-корпоративной основе.

С недоверием относясь к институтам представительной демократии, русские консерваторы, тем не менее, с различной степенью активности принимали участие в избирательных кампаниях в Государственную думу дореволюционной России. Основными субъектами социально-политической практики русского консерватизма становятся политические партии – один из «классических» институтов демократии. В то же время следует отметить,

что опыт правомонархического (консервативного) партстроительства в целом не был удачным. Политические партии не являются «органичными» субъектами социально-политической практики русского консерватизма, хотя тактически некоторые из них могут добиваться электорального успеха.

В условиях эмиграции представители правого (консервативного) фланга вступали в различные объединительные союзы с представителями умеренно-левых и либерально-патриотических образований (Зарубежный съезд 1921 г. в Рейхенгалле и др.). Требование демократизации России после свержения большевистского режима содержалось в большинстве политических программ правых организаций рассеяния. Сходные по содержанию идеологические выкладки имелись в программах немногочисленных консервативных (русофильских) организаций (ВХСОН и др.) в советском подполье.

В четвертой главе «Социокультурный кризис в посткоммунистической России и идеология современного русского консерватизма» исследуется феномен консервативной идеологии в условиях социокультурного кризиса в современной России. Выказывается убеждение, что кризисные процессы в нашей стране, имеющие комплексный характер, актуализируют задачу по созиданию идеологии, объединяющей индивидов и социальные группы, и направленной на осуществление стратегического прорыва в XXI в. На роль национально-мобилизующей идеологии претендует современный русский консерватизм.

В первом параграфе «Консерватизм в современной России: сущность, специфика, типология» обосновано положение, согласно которому консерватизм в посткоммунистической России по своей сущности является составной частью русской консервативной традиции, сохранил идейное ядро и преемственность с интеллектуальной традицией предшествующих этапов развития консервативного феномена. Выявлена специфика современного русского консерватизма как в сравнении с предшествующими этапами развития консерватизма в России, так и в соотношении с современным западноевропейским и североамериканским консерватизмом. В частности, современный русский консерватизм является более фундаментальным, чем западный консерватизм. В отличие от последнего, в нем не получили развития принципы экономического либерализма. В отличие от дореволюционного русского консерватизма и консерватизма эмиграции, русский консерватизм на современном этапе слабо постулирует монархическую идею.

Проведена типологизация консерватизма в посткоммунистической России. Критерием для идейно-политической идентификации той или иной политической силы в качестве консервативной служит отношение к интеллектуальной традиции традиционного русского консерватизма. Установлено, что наряду с идеологией русского консерватизма сосуществует ряд идеологических систем псевдоконсервативной направленности (превращенные формы либерализма и социализма советского образца). Претензии различных политических сил на консервативный статус обусловлены идейным банкротством западнических идеологий – социализма и либерализма – и возникновением спроса на «почвенную» идеологию в посткоммунистической России.

Идеологии современного российского псевдоконсерватизма представлены в различных идейных направлениях (либерализм и социализм) и политических лагерях (проправительственном и оппозиционном). Первые эксперименты с консерватизмом в посткоммунистической России были предприняты в начале 90-х годов в период существования объединенной «право-левой оппозиции». Впоследствии наиболее последовательно консервативная составная реализовывалась в идеологии КПРФ. Идеологи КПРФ, декларируя приверженность национальной (в том числе идейно-политической) традиции, допускают недопустимый с точки зрения консерваторов симбиоз консервативных и революционно-социалистических ценностей. Идеологию современного коммунистического мейнстрима в РФ следует квалифицировать как национал-большевизм, русифицированный вариант социализма.

Возникновение и развитие современного правительственного «просвещенного неоконсерватизма» связывают с возникновением «феномена Путина» – президента-патриота и государственника, чья политическая риторика и политические декларации диссонировали с либеральной фразеологией периода радикал-либеральных реформ 90-х годов. Следует, однако, отметить, что генезис заложенных в него идеологических постулатов восходит к первым «консервативным» проектам «партии власти» и ее сателлитов в начале-середине 90-х годов (ПРЕС-НДР). Идеологи «партии власти» в РФ, как правило, апеллируют к традиции современного европейского неоконсерватизма («превращенной формы» либерализма).

Претензии идеологов радикал-либералов, представленных, прежде всего, политической партией «Союз правых сил» на «консервативное наследство», обусловлены, главным образом, апелляцией к опыту современного американского неоконсерватизма. Анализ идеологии и политических программ СПС позволяет сделать вывод о несостоятельности подобной идейно-политической самоидентификации. Идеология так называемых правых в РФ является либертарианской, т.е., антиконсервативной по своей идейной сущности. С идеологией американского неоконсерватизма программа СПС обнаруживает определенную типологическую тождественность лишь в экономической своей части, декларируя принцип *laissez faire* и лозунг «Меньше государства!». Принципы американского патриотизма, национализма, идеи сохранения авторитета семьи и религии не имеют аналогов в идеологии российских «правых».

Итак, в посткоммунистической России сосуществует несколько разновидностей псевдоконсерватизма: «консерватизмы» «партии власти», ультралибералов, коммунистов. Подлинный русский консерватизм имеет несколько подвидов или уровней: идеология православно-монархических партий и организаций («идейный» консерватизм) и идеология патриотизма, русоцентризма, державничества и социальной справедливости («прагматический» консерватизм). Адепты последнего представлены в различных (провластных и оппозиционных) политических партиях, в среде научной общественности.

В качестве одного из подвидов современного русского консерватизма в литературе (В.А. Гусев, А.Н. Кольев) называется идеология неоевразийства (А.С. Панарин, В.В. Кожин, А.Г. Дугин), которая рассматривается нами как «пограничное» направление консерватизма. Отдельные «пограничные» направления современного русского консерватизма, наиболее концептуализированным подвидом которого является неоевразийство, предлагают варианты идеологического симбиоза традиционного русского консерватизма и так называемого советского консерватизма (В.В. Кожин, А.Г. Дугин). Однако большинство идеологов современного русского консерватизма трактуют советское наследие как разрыв в русской исторической традиции.

Во втором параграфе «Проблема «идеологии 21» и русский консерватизм» анализируется значимость идеологических постулатов современного русского консерватизма, с точки зрения перспектив построения национально-мобилизующей «идеологии 21» (В.Н. Кузнецов). По мнению ряда представителей экспертного сообщества, преодоление системного кризиса актуализирует задачу построения адекватной внешним и внутренним угрозам национальной безопасности России идеологии, вокруг которой произойдет консолидация российского общества. Различные версии западных идеологий дискредитировали себя в представлении десятков миллионов граждан России, показали собственную неэффективность и антигуманистичную сущность и не могут быть востребованы широкими слоями населения страны. Тем самым актуализируется задействование идейно-теоретического потенциала современного русского консерватизма, в идеологии которого постулируются принципы сильного, социально справедливого государства, задача возрождения традиционной духовности русского народа и народов, населяющих Россию, восстановление исторических границ страны.

Идеологические постулаты современного русского консерватизма можно свести к нескольким блокам проблем: 1) собственно идеологическому, связанному с методологией идеологотворчества; 2) национально-политическому; 3) социально-экономическому; 4) внешнеполитическому и ряду других.

Важным идеологическим постулатом, который признается всеми направлениями русского консерватизма, является требование пересмотра либеральной конституции РФ и, в более широком плане, отказ от либерализма, который выполняет функции неофициальной государственной идеологии. Современные русские консерваторы апеллируют к собственной национальной традиции в духовной, культурной и идейно-политической сферах.

Идеология либерализма и, прежде всего радикального подвида последней – либертарианства, по мнению консерваторов, является составной частью того явления, которое в литературе получило определение «нероссийских идеологий» (В.Н. Кузнецов).

Одним из системообразующих компонентов идеологии современного русского консерватизма является идея русоцентризма или умеренного русского национализма, в понятие которого не вкладывается аксиологической нагрузки. Консерваторы акцентируют внимание на державообразующей роли

русских в создании и укреплении российского государства, культура которого — прежде всего, культура русского народа. В то же время они вынуждены постоянно апеллировать к идее «общей судьбы» русских и других коренных народов, населяющих Россию. Лейтмотивом идеологических построений русских консерваторов является тезис о критическом положении русского народа с точки зрения сохранения генофонда, возрождения традиционной культуры и нравственности, воссоздания авторитета семьи и т.д. По мнению консерваторов, русская национальная идея заключается, прежде всего, в спасении русского народа (А.И. Солженицын). При этом не отрицается наличие аналогичных проблем у других коренных народов Российской Федерации, но подчеркивается, что лишь при комплексном решении «русского вопроса» возможно позитивное решение иных национальных вопросов.

Практическим преломлением вышеозначенного тезиса является требование пересмотра существующей административно-территориальной системы, приведшей в нынешнем ее состоянии к утверждению этнократических режимов в ряде «титulyных» республик РФ, выдавливанию русского населения из ряда регионов, росту сепаратизма и антирусского национализма.

Возникшая после распада СССР Российская Федерация большинством консерваторов не признается в качестве исторической России, трактуется как наиболее крупный «осколок» русской территории. Идеологами различных направлений русского консерватизма подчеркивается важность задачи по воссозданию единства территорий исторической России и ревизии результатов антирусских экспериментов, проводившихся в десятилетия тоталитарного коммунистического режима.

В социально-экономической сфере русские консерваторы придерживаются принципов экономического дирижизма и социального государства. Социальная программа данного направления выражена формулой «идти со слабыми против сильных» (А.С. Панарин). Лейтмотивом различных консервативных программ является требование пересмотра итогов приватизации 1990-х годов.

В сфере международных отношений современные русские консерваторы выступают за создание системы многополярного мира и противодействие американскому гегемонизму. Проблема поиска внешнеполитических союзников решается в консервативных идеологемах путем восстановления разрушенных связей с традиционными союзниками исторической России (православные и славянские государства) и установление двухсторонних или блоковых союзов с новыми: странами «старой Европы» (Н.А. Нарочницкая, А.Н. Кольев и др.) и рядом мусульманских государств (А.С. Панарин, А.Г. Дугин).

В пятой главе «Социальные «адреса» и социально-политическая практика современного русского консерватизма» анализируется проблема определения социальных «адресов», субъектов, целей и форм реализации социально-политической практики современного русского консерватизма.

В первом параграфе «Социальные «адреса» современного русского консерватизма» определены страты российского общества, являющиеся

субъектами социально-политической практики и симпатиками консервативной идеологии. Установлено, что основными социальными «центрами», в рамках которых происходит процесс консервативного идеологотворчества, является Русская православная церковь, силовые структуры (армия и правоохранительные органы) и национально-патриотическая часть творческой и научной интеллигенции России.

Социальная база русского консерватизма не ограничивается тремя вышеперечисленными «центрами», а охватывает широкие демократические слои населения, включая часть неолитархической бизнес-элиты.

На основе анализа данных электорального поведения российских граждан и социологических опросов россиян по ряду актуальных для посткоммунистической России проблем обосновано положение, согласно которому большинство населения страны следует отнести к числу симпатиков идеологии консерватизма. Электорального успеха добиваются, как правило, те политические силы, которые в той или иной степени придерживаются консервативных установок либо декларируют приверженность консервативным ценностям. В частности, «консервативный поворот Путина», обозначившийся на рубеже 1990–2000-х годов, обусловлен появлением социального заказа со стороны широких слоев российского общества на осуществление Консервативного Проекта. В представлении значительной части российских граждан Президент России В.В. Путин ассоциируется с образом главы государства, заботящегося о благополучии рядовых граждан, борющегося с олигархическим засильем («идет со слабыми против сильных») и сепаратизмом региональных баронов, стремящегося к возрождению державной мощи России и традиционной духовности населяющих ее народов. Не случайно первыми шагами вновь избранного российского Президента стали наведение конституционного порядка в Чечне (восстановление единой и неделимой России) и ликвидация сложившейся в 1990-е годы системы вмешательства олигархических кланов в процесс принятия политических решений на высшем государственном уровне.

В значительной степени даже традиционно «неконсервативные» ценности, такие как демократия, в представлении российских граждан получают значимость в результате «почвенизации», т.е. адаптации к социокультурным и социально-политическим условиям страны. Как свидетельствуют данные социологических опросов населения, большинство граждан России положительно оценивают идею демократии. В то же время лишь относительно незначительная часть респондентов поддерживает принципы либеральной демократии, что подтверждают и результаты избирательных кампаний федерального уровня. Фактически половина российских граждан (49% по данным Аналитического центра Юрия Левады) выступает за развитие «почвенной» модели демократии, отличной от западной и советской моделей. Характерно, что большинство респондентов, высказывающихся в пользу почвенной модели демократии в России, относится к электоратам «Единой России» и «Родины». Также значительный процент сторонников подобной модели в других электоральных группах.

Проведенный в исследовании анализ настроений россиян и результатов электорального поведения граждан России позволил сделать вывод, что в целом консервативный электорат насчитывает не менее 60% взрослого населения страны. Представленный практически всеми социальными группами, он «размыт» между несколькими партиями, как собственно консервативными, так и псевдоконсервативными (декларирующими приверженность консервативным ценностям и использующим элементы консервативной идеологии в своих политических программах).

Во втором параграфе «Субъекты, формы и цели социально-политической практики современного русского консерватизма» рассматривается деятельность основных политических партий и организаций русского консерватизма в условиях современной российской многопартийности, определяются ее целеполагания и формы.

Социально-политическая практика современного русского консерватизма представлена деятельностью многочисленных политических партий, обществено-политических организаций, движений и групп. Как правило, эти образования имеют незначительный количественный состав и слабо развитую организационную структуру. Разрозненность политических образований, составляющих национально-патриотический (консервативный) спектр современной российской многопартийности привела, в частности, к многочисленным попыткам блокирования и надпартийным объединениям в рамках различных съездов, соборов, конференций и т.д. Подобная организационная форма является специфической чертой консервативного фланга. Социально-политическая практика современного русского консерватизма осуществлялась в самых разных формах: участие в выборах на федеральном (президентские и парламентские), региональном и местном уровнях; парламентская деятельность; организация митингов, пикетов, иных массовых политических акций; издательская деятельность; установление и поддержка рабочих контактов с объединениями российских сограждан за пределами Российской Федерации; культурно-просветительская и образовательная деятельность. Идеи русского консерватизма получили реализацию в программах различных политических партий неконсервативной направленности, зачастую находящихся в состоянии идейно-политической конфронтации: КПРФ, ЛДПР, ПРЕС, НДР, «Единство», «Единая Россия», «Партия жизни» и др.

К числу субъектов социально-политической практики современного русского консерватизма следует отнести такие партии и общественные движения, как РОС, РОНС, КРО, НПФ «Память», блок/партия «Родина», партия «Народная воля», монархические партии и организации (РИС-О, Союз «Христианское возрождение», Всероссийская партия монархического центра) и др. Деятельность консервативных партий и организаций носит, как правило, оппозиционный характер; отдельный спектр русских консерваторов примыкал к внесистемной оппозиции.

Главным направлением социально-политической практики современного русского консерватизма было «участие во власти» (так называемая сис-

темная оппозиция, представленная такими образованиями, как КРО, «Родина», «Народная воля» и др.). Ряд оппозиционных, в том числе «внесистемных» партий и объединений консервативной направленности (например, Союз «Христианское возрождение» / избирательное объединение «Русский блок»), принимали участие в выборах в Государственную думу. Как правило, данные выборные проекты не получали значительной электоральной поддержки со стороны избирателей, несмотря на данные социологических опросов, согласно которым симпатиками национально-патриотической (консервативной) идеологии являются не менее 25–30% граждан России.

Единственным на сегодняшний день крупным электоральным успехом консерваторов стала победа блока «Родина» на выборах в Государственную думу в декабре 2003 г. (более 9% голосов). Впоследствии «Родина» закрепила свой успех в ходе ряде региональных и местных выборов, в отдельных случаях одержав победу над «партией власти».

Следует отметить тенденцию, наметившуюся в течение минувшего года: системная консервативная оппозиция в лице парламентской партии «Родина» постепенно вытесняется из политического процесса, что, в частности, проявилось в снятии данной партии с выборов в Московскую городскую думу. Можно прогнозировать дальнейшее прогрессирование отмеченной тенденции, в результате чего консерваторы вновь будут вытеснены из политического процесса, уступив освободившееся политическое место либеральным партиям (очевидно, объединенные СПС и «ЯБЛОКО»).

В **Заключении** подводятся основные итоги социально-философского исследования русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики, делаются выводы и прогнозы относительно формирования национально-мобилизующей и консолидирующей идеологии новой России и адекватной ей социально-политической практики.

Список основных публикаций по теме диссертации

Монографии

1. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 10 п.л.

Статьи, тезисы докладов и сообщений, рецензии

2. Проблема «Запад–Россия» в историософии А.С. Хомякова // Восток. Запад. Россия. Материалы Всероссийской научной конференции 14–15 октября 1993 г. Ростов н/Д, 1993. 0,2 п.л.
3. Концепция «социального строя» Л.А. Тихомирова // Социальная политика России: история и современность. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции. Новочеркасск, 2000. 0,2 п.л.
4. Понятийно-категориальный аппарат исследования русской монархической мысли конца XIX – начала XX вв. // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 4. М., 2000. 0,4 п.л.

5. Тихомиров Л.А. и Б.Н. Чичерин: спор оппонентов // Либеральный консерватизм в России: история и современность. Материалы всероссийской научно-теоретической конференции 24–25 мая 2000 г. М., 2001. 0,4 п.л.
6. Рецензия на монографию А.В. Репникова «Консервативная концепция российской государственности» (М., 1999) // Воронежский государственный университет. Воронеж, 2001. (В соавторстве с С.М. Смагиной). 0,2 п.л.
7. Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // Консерватизм и традиционализм на юге России. Сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. В соавторстве с А.С. Кисилем. 0,7 п.л.
8. Место Н.Я. Данилевского в типологии русской консервативной мысли // Н.Я. Данилевский в истории русской философской мысли. Материалы научно-практической конференции в Ростове-на-Дону 30 декабря 2002 г. Ростов н/Д, 2003. 0,3 п.л.
9. Проблема государственной власти в концепции позднего славянофильства Д.А. Хомякова // Государственность и право славянских народов в начале XXI века. Тезисы материалов научно-практической конференции. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 0,3 п.л.
10. Основные методологические проблемы изучения консервативной идеологии // Путь в науку. Материалы научной конференции аспирантов и докторантов ИППК РГУ. Ростов н/Д, 2003. Вып. 4. 0,4 п.л.
11. Консервативная критика федеративных проектов устройства России (И.А. Ильин) // Проблемы современного федерализма. Материалы всероссийской научно-практической конференции 11–12 апреля 2003 г. Ростов н/Д, 2003. 0,2 п.л.
12. Панславизм и национализм в русской консервативной мысли: к постановке проблемы // Славяне в мировой культуре и истории. Материалы международной научно-практической конференции в Ростове-на-Дону 22–23 мая 2003 г. (В соавторстве с А.С. Кисилем). Ростов н/Д, 2003. 0,2 п.л.
13. Рецензия на сборник «Национальная и региональная безопасность на юге России: новые вызовы. Сборник научных статей» // Южнороссийское обозрение. № 14. 2003. Ростов н/Д, 2003. 0,2 п.л.
14. Панславизм или национализм: опыт решения национального вопроса в русской консервативной мысли // Путь в науку. Материалы научной конференции аспирантов и докторантов ИППК РГУ. Ростов н/Д, 2003. Вып. 4. Ч. 2. 0,2 п.л.
15. Ф.И. Тютчев и проблема «Россия-Запад» в истории русской консервативной мысли // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма. Материалы всероссийской научно-практической конференции в г. Ростове-на-Дону 13–14 декабря 2003 г. В 2-х тт. Ростов н/Д, 2004. Т. 1. (В соавторстве с В.В. Черноусом). 0,3 п.л.
16. Элементы политической социологии в консервативной доктрине Л.А. Тихомирова // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». М. – Ростов н/Д, 2004. Т. 4. 0,4 п.л.

17. Политическое и правовое в консервативной доктрине Л.А. Тихомирова и К. Шмита: к постановке проблемы // Правовое и политическое взаимодействие. Сборник тезисов Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д – Таганрог, 2004. 0,3 п.л.
18. Консервативная идеология для новой России // III Философский конгресс. Тезисы докладов и выступлений. М., 2005. 0,1 п.л.
19. Проблема взаимоотношений политического и правового в консервативной традиции (на примере доктрин Л.А. Тихомирова и К. Шмита) // Философия права. 2005. № 2. 0,5 п.л.
20. Хомяков Д.А. // Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., РОССПЭН, 2005. 0,3 п.л.
21. Русский консерватизм: идеологическая доктрина и социально-политическая практика. Концепция докторской диссертации // Социально-гуманитарные знания. Приложение 1. 2005. 0,4 п.л.
22. Постулаты консервативного «стиля мышления» в методологии К. Манхейма // Социально-гуманитарные знания. Приложение 2. 2005. 0,4 п.л.
23. Природа и структура социального в концептуальных построениях трех направлений русского консерватизма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания». 2005. 0,4 п.л.
24. Проблема «идеологии 21» и русский консерватизм: к постановке проблемы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Наука: проблемы, поиски, решения». 2005. 0,4 п.л.
25. Правомонархические партии в России в начале XX века: идеология и практика / Политические партии России: конец XIX – начало XXI века: Учебник для вузов / Под ред. С.М. Смагиной. Ростов н/Д, 2006. 1 п.л. (в печати).
26. Проблема свободы в идеологии русского консерватизма / Гуманитарный ежегодник / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 0,8 п.л.
27. Социально-политическая концепция К.Н. Леонтьева // Истоки славянской культуры. Сборник статей. Серия «Славянский мир». Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР». Вып. 4. 2006. 0,4 п.л.

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.99

Сдано в набор 01.02.2006. Подписано в печать 03.02.2006.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 2,66.
Тираж 100 экз. Заказ № 17.

Издательство Ростовского университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Отпечатано с готовых диапозитивов в РПУ РГПУ.
344068, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33.

0-755048

На правах рукописи

ПОПОВ Эдуард Анатольевич

**РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ:
ИДЕОЛОГИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

**Специальность 09.00.11 –
социальная философия**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Ростов-на-Дону

2006

**Работа выполнена на кафедре социологии, политологии и права
Института по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук
Ростовского государственного университета**

Научный консультант: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор **Волков Юрий Григорьевич**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор **Киященко Николай Иванович**

доктор философских наук, профессор **Ерыгин Александр Николаевич**

доктор политических наук
Савельев Андрей Николаевич

Ведущая организация: **Ставропольский государственный университет (г. Ставрополь)**

Защита состоится « 3 » марта 2006 г. в 13 на заседании диссертационного совета Д. 212.208.01 по философским и социологическим наукам в Ростовском государственном университете (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК РГУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГУ (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан « 1 » февраля 2006

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук,
доцент

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Обращение к проблеме русского консерватизма определяется теми задачами, которая решает Россия при переходе от тоталитарной организации общества, для которой было характерно наличие правящей моноидеологии, к обществу, характеризующемуся идеологическим плюрализмом и состоянием затянувшегося социокультурного кризиса.

Очередной виток радикальной вестернизации, начавшийся на рубеже 80–90-х годов XX в. и проходящий под либерально-демократическими лозунгами, вызвал крайне болезненную реакцию в стране. Во многом остающийся традиционным менталитет россиян не приемлет «общечеловеческих ценностей», выработанных в мыслительной лаборатории «уникальной, но не универсальной цивилизации Запада» (А. Тойнби). Приоритет личности над обществом, а общества – над государством, сакрализация прав человека и принципов западной демократии, – эти и другие идеи и ценности, насаждаемые в нашей стране с начала 90-х годов, так и не стали основой мировоззрения и нормами поведения большинства населения. Либерально-демократическая модель общественно-политического устройства оказалась не работающей в условиях России. Недавняя инициатива Президента России по созданию Общественной палаты свидетельствует о стремлении руководства страны способствовать созданию гражданского общества и, вместе с тем, констатирует тот факт, что классические институты демократии (политические партии, представительные органы и т.д.) недостаточно эффективны и не способны решить задачу реальной демократизации России.

Современное российское общество объективно испытывает потребность не только в действенной общественно-политической модели и социально-экономической стратегии. Не менее, если не более, актуальна для нынешнего российского общества идея, интегрирующая индивидов и различные социальные группы на осуществление «стратегического прорыва в XXI в.». Посткоммунистическая Россия нуждается в идеологии, способной адекватно определить стоящие перед ней внешние и внутренние вызовы. Эта идеология должна рассматриваться как «идеальная» модель общественного устройства, некий идейно-теоретический «чертеж», по которому будет осуществляться развитие общества на десятилетия вперед.

На статус общенациональной объединяющей «идеологии 21» (В.Н. Кузнецов) претендуют различные идеологические системы, в том числе консерватизм. Русский консерватизм, генеалогия которого прослеживается с начала XIX в., продолжает свое развитие и в посткоммунистической России, не утратив своего теоретического и практического потенциала в новых общественно-политических и социокультурных условиях.

В конце XX – начале XXI вв. своеобразная мода на консерватизм стала одним из важнейших факторов общественно-политических процессов в России, что обусловлено в первую очередь привлекательностью его идей для общества, а, следовательно, и для электората. Закономерно, что в совре-

менной России, втягиваемой в процессы общемировой глобализации, оказалась востребованной идеология локализации и партикуляризма. Значимость консерватизма заключается в том, что он представляет собой идеологию, которая отвергает рискованные социальные эксперименты. Консервативная идеология основана на бережном отношении к исторической и социокультурной традиции, воспринимаемой не как дорогостоящий музейный раритет, а как живой, передающий через века опыт поколений. Универсальность консервативной идеологии заключается в том, что на ее основе можно консолидировать различные социальные группы для осуществления коренных общественных преобразований. Вместе с тем, некоторая аморфность понятия консерватизм, во многих случаях «переводимое» как синоним патриотизма и государственничества, не только препятствует его научному изучению, но и снижает потенциальные результаты социально-политической практики консерваторов. В посткоммунистической России отмеченные сложности проявились в том, что в политическом процессе страны участвует ряд партий, претендующих на статус консервативных, но по своим идейно-политическим установкам ему не соответствующих.

Наряду с различными версиями псевдоконсерватизма, в современной России также обнаруживают себя в идеологии и социально-политической практике силы, подпадающие под видовые характеристики консерватизма. Наиболее значимым политическим проектом последнего десятилетия стал блок, позднее партия «Родина», в руководство которого вошли многие известные представители национально-патриотического (консервативного) движения. С появлением данной партии в политическом спектре современной России была занята оставшаяся долгое время свободной консервативная ниша. Электоральный успех «Родины» на федеральных выборах 2003 г. и в ряде региональных выборов 2004–2005 гг. свидетельствует о востребованности консерватизма как идеологии и социально-политической практике у российских избирателей. Следует обратить внимание, что консервативно ориентированные слои российского избирателя не монополизированы исключительно партией «Родина». Значительная часть консервативного электората на выборах отдает голоса провластным, оппозиционным и псевдооппозиционным партиям и объединениям. Потенциал консервативной политической силы в современной России представляется далеко не исчерпанным.

Активизация русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики в начале XXI в. сделала консервативную проблематику одной из актуальных тем современной социальной науки в России и, в какой-то мере, на Западе. Актуальность социально-философского исследования данного феномена особенно возрастает вследствие неудачного осуществления модернизационных процессов, направленных на построение «гражданского общества». В этой связи одни исследователи полагают, что основным препятствием последнего является консервативный (традиционалистский) стержень общественной культуры и менталитета населения страны. Другие считают, что недостаточное внимание к цивилизационным особенно-

ствиям России является главным фактором, определившим, в итоге, подобный результат. И связывают перспективы демократизации и гуманизации российского общества с созидательным потенциалом консерватизма.

Изучение русского консерватизма будет означать не только качественное приращение знаний в теоретической сфере, но и будет определенным вкладом в понимание ситуации, складывающейся в современной России, служить для поиска путей выхода из социокультурного кризиса.

Степень научной разработанности темы. Изучение консерватизма – одна из актуальных тем социальной и политической философии. В России философское изучение феномена консерватизма начинается приблизительно в середине XIX в., параллельно с возникновением и развитием консервативного феномена. В значительной степени накопление научного знания о консерватизме происходило в результате идейно-политической рефлексии русских консерваторов о сущности консерватизма. Уже в работах «старших славянофилов» предпринимаются попытки определения сущностных границ консерватизма. Эта традиция была продолжена представителями последующих поколений русских консерватизма. Однако по существу к идейно-теоретическому осмыслению проблем консерватизма русская общественно-политическая мысль подходит во второй половине XIX в., что нашло отражение в фундаментальных трудах Б.Н. Чичерина «История политических учений» и «Курс государственной науки» и Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность». Работы этих исследователей, более известных в качестве ведущих идеологов конкурирующих идейно-политических направлений – соответственно, либерализма и консерватизма – положили начало двум исследовательским традициям изучения консервативного феномена. Первая, либерально-прогрессистская, исходила из трактовки консерватизма как реакционной (в более мягкой редакции – ретроградной) идеологии, служащей для обоснования исторически отмирающей сословно-монархической модели общественно-политического устройства (Вл.С. Соловьев, А.Н. Пыпин, П.Н. Милюков). Типологически близка данной исследовательской традиции сформировавшаяся впоследствии социалистическая (прежде всего, марксистская) «школа» социальных наук, представленная именами Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Ю.О. Мартова, В. Левицкого, Н.Л. Мещерякова и др.

Вторая, консервативная традиция, отождествляла консерватизм с национальной мыслью, преимущественно с социально-политическими аспектами последней. Как отмечалось в литературе по данной теме, понятия «русская мысль», «национальная мысль» в трудах консервативных исследователей фактически идентичны понятию «русский консерватизм» (В.А. Гусев).

Тем самым, исследователи-прогрессисты акцентировали внимание на типичности исторического процесса и социально-политического устройства России, консерваторы – на уникальности. Первые подчеркивали стадийное отставание страны от более развитых государств Запада, консерваторы отмечали культурно-историческое своеобразие России. Как можно убедиться, методологическими основаниями исследовательских направлений

послужили сформировавшиеся во второй половине XIX–XX вв. формационный и цивилизационный подходы.

В отечественной социально-гуманитарной науке получили преобладание различные методологические направления прогрессизма. Оригинальная и перспективная исследовательская традиция национально-консервативного направления в области гуманитарных и, в определенной мере, естественных наук (идеализм в естественно-научных дисциплинах: критика дарвиновской теории естественного отбора со стороны Н.Я. Данилевского, А.А. Любищева и др.) в недостаточной степени была востребована в отечественной науке второй половины XIX–XX вв. Определенный ренессанс консервативного методологического направления происходит в конце XX в. К представителям данного направления следует отнести: философов Н.А. Бердяева, А.С. Панарина, Н.П. Ильина, Ю.Т. Лисица, В.М. Лурье, А.Г. Дугина, В.Н. Махнач, В.Ю. Верещагина, А.В. Белова, А.М. Величко, М.Ю. Чернавского; политологов В.А. Гусева, А.Н. Кольева; историков Л.Н. Гумилева, Ю.И. Кирьянова, А.Н. Боханова, Н.А. Нарочницкую, А.Ю. Минакова, А.В. Репникова; литературоведов В.В. Кожина, В.П. Попова; элементы методологии данного направления прослеживаются в работах представителей московско-тартусской школы семиотики (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), в концепции «полифонического романа Достоевского» М.М. Бахтина.

Отметим, что подобный подход достаточно нов в отечественной исследовательской литературе и нуждается в дальнейшем философском изучении.

Важным исследовательским вопросом является проблема определения сущности консерватизма. Дискуссии по данной проблеме привели к появлению двух основных исследовательских подходов: идейного, согласно которому консерватизм обладает собственными идеологическими постулатами (идейным ядром), и ситуативного, который исходит из политико-прагматической трактовки консерватизма как «служебной» (функциональной) идеологии правящего слоя. В рамках идейного подхода можно выделить два направления, представители которых подчеркивают универсально-мировоззренческое либо социологическое основания идеологии консерватизма. Консерваторы, занимавшиеся вопросами философской рефлексии, подчеркивали глубинные мировоззренческие основания консервативной идеологии, которая возводится к идеологии «высокого Средневековья» и даже к Платону («старшие славянофилы», К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров). К настоящему времени в зарубежной и отечественной литературе сформировалась исследовательская традиция возводит генеалогию консервативной идеологии к неким «идеальным» мировоззренческим моделям, полностью или относительно автономным от социального слоя (К. Поппер, Э. Хобсбаум, Э. Гидденс, А. Валицкий, Е. Шацкий, Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Ю.Т. Лисица, Н.П. Ильин, М.М. Федорова, А.М. Руткевич, В.А. Гусев, А.Н. Кольев, М.Ю. Чернавский, В.П. Макаренко). Социологический подход, представители которого трактуют консерватизм как идеологию и социально-политическую практику феодальных страт общества, преимущественно поместного дворянства, также широко представлен в научной литературе (К. Ман-

хейм, исследователи-марксисты). Ситуативный (функциональный) подход связывают с выходом в свет эссе С. Хантингтона «Консерватизм как идеология», которое стало манифестацией данного методологического направления, хотя его элементы использовались и в более ранней литературе (в России – в трудах К.Н. Леонтьева, П.Б. Струве и др.). Под влиянием методологических подходов С. Хантингтона сложилось исследовательское направление, «пионерами» которого в нашей стране стали П.Ю. Рахшмир, А.Ю. Мельвиль, К.С. Гаджиев.

Исследование консерватизма как политической идеологии предполагает анализ понятия «идеология» в исторической перспективе. В современной научной литературе сложилась поливариантная ситуация по проблеме определения сущности идеологии и типологии политических идеологий. В рамках марксистской методологии понятие «идеология» служит для обозначения теории или учения, выражающего интересы определенных социальных групп (классов). Высказанное классиками марксизма в «Немецкой идеологии» определение идеологии сводится к идее, что «господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений». Впоследствии Ф. Энгельс развил марксистский подход к определению идеологии, охарактеризовав последнюю как «ложное сознание» и противопоставив научной марксистской социологии.

Методологические позиции марксизма были подвергнуты критике со стороны исследователей, испытавших значительное влияние идей К. Маркса. К. Мангейм в классическом труде «Идеология и утопия» справедливо обратил внимание на отсутствие социологических оснований не распространять на марксизм сделанное им самим открытие – усматривать в мышлении политического противника элементы идеологии, от которого свободно собственное мышление. Мангейм предложил развести два понятия – идеология и утопия, которая ориентирована на разрушение социального порядка. Исследователь выделяет частичную идеологию, служащую для выражения интересов социальных групп и классов, и сводящуюся к содержательной части высказываний противника, и тотальную идеологию, претендующую на объективное и полное знание о бытии, как идеологию общественных укладов и целых исторических эпох, ставящую под сомнение все мировоззрение противника.

Методологические установки К. Мангейма испытали серьезное влияние марксистского подхода, что нашло отражение в характеристике предложенного социологом понятия «стилей мышления», являющие собой мыслительный опыт определенных социальных групп. Консервативный стиль мышления, согласно Мангейму, являет собой производную опыта феодальных страт общества – дворянства, цеховых ремесленников, патриархального крестьянства. Немецкий социолог принадлежит к исследователям, стоявшим у истоков традиции исследования консерватизма как мыслительной традиции, оппонирующей методологии прогрессизма и, в первую очередь, либерализма.

Сравнительный анализ различных идеологических систем и теоретико-познавательных моделей содержится в работах западных исследовате-

лей, придерживающихся либеральной парадигмы (Л. фон Мизес, Д. Боуз и др.). Для либерально-прогрессистского исследовательского направления характерен акцент на гуманистическом содержании идеологии либерализма. В отечественной социально-гуманитарной науке сформировалось направление, в рамках которого либерализму отказывается в гуманистическом содержании (А.С. Панарин, А.А. Зиновьев, Ю.Г. Волков, В.С. Малицкий).

В последние десятилетия существенно пополнился объем научной литературы по теме «русский консерватизм». Вместе с тем, сохраняются значительные исследовательские лакуны. Малоисследованными остаются отдельные аспекты (прежде всего, социально-философский и социально-политический) русского консерватизма. Отсутствуют обобщающие работы в рамках диссертаций и монографий, посвященных данному явлению с момента его возникновения в начале XIX столетия до настоящего времени. Однако приоритетной исследовательской задачей остается разработка методологического конструкта, позволяющего изучать русский консерватизм как многомерное и противоречивое идейное и общественно-политическое явление. Перспективным и этически корректным представляется исследовательский подход к изучению консерватизма, используя эвристические возможности консервативной парадигмы социально-гуманитарных наук.

В определенной степени решению означенной задачи посвящена монография А.Н. Кольева «Теория нации и государства. Теория консервативной реконструкции» (М., 2005). В данном исследовании сделан акцент на реконструкции методологического подхода, который мы обозначаем как консервативную парадигму социально-гуманитарного знания. Сходная задача, однако, с привлечением материала западноевропейского и американского консерватизма решается в книге А.М. Руткевич «Что такое консерватизм?» (М.—СПб., 1999).

Единственным на сегодняшний день обобщающим исследованием, в котором предметом анализа выступает русский консерватизм XIX–XX вв., а также предыстория консервативного феномена в России, является работа В.А. Гусева. В монографии «Русский консерватизм: основные направления и этапы развития» (Тверь, 2001), на основе которой была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, автор провел реконструкцию более, чем двухвековой интеллектуальной истории русского консерватизма сквозь призму исследовательских проблем периодизации и типологизации. Исследователь обоснованно выделяет в изучаемом явлении три основных этапа: дореволюционный, эмигрантский и современный, а также предлагает отдельно выделить этап так называемого предконсерватизма. Русский консерватизм типологизируется автором по нескольким ключевым критериям.

В.А. Гусев, исходя из целей и задач своего исследования, не предполагал социально-философского исследования русского консерватизма, хотя в той или иной мере обращался к анализу социально-философской проблематики в интеллектуальной традиции «национальной мысли» (по терминологии автора, синоним консервативной мысли). Поэтому сохраняется

актуальность изучения «полного хронологического цикла» русского консерватизма, исходя из социально-философского дискурса.

Отчасти существующую исследовательскую лакуну заполнила коллективная монография сотрудников ИРИ РАН «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000), в котором на основе привлечения обширного материала проведен анализ развития русского консерватизма на значительном историческом отрезке (1760–1905 гг.). Вместе с тем, в данной работе, написанной с марксистских позиций, сделан акцент на практике, а не идеологии (играющей подчиненную роль) данного явления. Исходя из прогрессистского методологического конструкта, авторы данного фундаментального исследования трактуют консерватизм как идеологию поместного дворянства. В основу системы типологизации русского консерватизма положен критерий прогрессивности/реакционности. В соответствии с предложенным дихотомическим конструктом вне сферы исследовательского внимания остались «прогрессивные» компоненты программ консерваторов-«реакционеров» (идея социального государства К.Н. Леонтьева, концепция монархического народного представительства Л.А. Тихомирова и др.).

Проблеме социально-философской антропологии в русском консерватизме посвящено диссертационное исследование философа Н.В. Честнейшина «Проблема человека в социальной философии русского консерватизма» (Архангельск, 2004). Автор исходит из положения, согласно которому «именно вопрос о природе и сущности человека, его предназначении и связи с социальным целым является основным источником спора между представителями консерватизма, либерализма и радикализма».

Устоявшаяся в литературе и верная лишь отчасти точка зрения на консерватизм как на идеологию коллективизма и антропологического пессимизма в определенной мере пересмотрена и уточнена в работах русских философов XX столетия (Н.А. Бердяева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.Г. Кудрявцева). Однако проблема соотношения гуманизма и консерватизма нуждается в дальнейшем социально-философском исследовании.

Одна из малоисследованных проблем темы «Русский консерватизм» – система взаимоотношений консерватизма и национализма». В современном социально-философском дискурсе понятие «национализм» является, как правило, производным от понятия «нация». Различные интерпретации понятия «национализм» в современной литературе обусловлены многообразием методологических подходов к изучению нации и, соответственно, самого национализма. Исторически возникли и развивались два основных подхода к объяснению феномена нации. В рамках первого («французского») подхода, впервые озвученного Э. Ренаном, нация трактуется как «нация-государство», т.е., совокупность граждан определенного государства. В рамках второго («немецкого») подхода, манифестированный в концепциях немецких романтиков начала XIX в. (И.Г. Гердер и др.) было разработано понятие нации как духовной и культурно-исторической общности. Второй подход к объяснению феномена нации признает важное, но не определяющее значение общему этническому происхождению, акцентируя вни-

мание на духовных, исторических и культурных аспектах. Русские консерваторы-националисты, занимавшиеся проблемами философской рефлексии (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров и др.), придерживались второго подхода, ранее сформулированного немецкими романтиками.

Понятие «национализм» продолжает сохранять аксиологическую нагруженность в отечественной литературе. Традиция оценочного подхода к национализму была заложена в рамках, означенных нами прогрессистских (либерального и марксистского) направлений в методологии социальной науки. Западная научная традиция изучения национализма, как правило, свободна от оценочных подходов. В определенной мере под ее влиянием в современной отечественной литературе наметились тенденции к более объективному изучению феномена национализма. Вместе с тем, отечественные исследователи критически пересматривают методологические конструкции изучения национализма, разработанные западными исследователями. В частности, обращено внимание на созидательный потенциал национализма как охранительной идеологии, направленной на защиту национальной идентичности (В.Н. Махнач, А.Н. Кольев, А.К. Дегтярев, В.М. Лурье, А. Зорин, А.Н. Дьяченко, А.Ю. Минаков, А.В. Елисеев, Д.А. Коцюбинский, Э.А. Попов, А.С. Кисиль). Определенное внимание русскому консервативному национализму уделено и в работах западных исследователей (Э. Таден, У. Лакер, Н. Моравский, А. Валицкий).

В последние годы появился ряд работ, предметом анализа которых выступает проблема демократии в различных идейно-политических направлениях в России. Прежде всего, следует назвать докторскую диссертацию философа Л.Д. Козыревой «Концепция народовластия в русской политической философии (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (СПб., 1999), посвященную сравнительному анализу идее народовластия в идеологиях либерализма, радикализма и консерватизма. В исследовании отмечается, что отдельные консервативные концепции отличало стремление «сформулировать принципы эффективного общественного самоуправления, дать аргументированную критику реальных пороков демократии». Автор сделал акцент на критике теории и социально-политической практике демократии русскими консерваторами. Сохраняет свою актуальность проблема развития принципов «народного участия» и «творческой демократии» в «положительных» программах русского консерватизма, изучение которой только начинается в научной литературе (Ю.Т. Лисица, Э.А. Попов, Д.А. Машенцев). Система взаимоотношений консерватизма и демократии не укладывается в рамки дихотомии принятие/отторжение – положение, которое было обосновано исследователями-консерваторами (Л.А. Тихомиров, К. Шмитт, И.А. Ильин).

Современный этап развития русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики наименее исследован в научной литературе. Несмотря на появление отдельных работ зарубежных и отечественных исследователей (Г. Рормозер, У. Лакер, А. Янов, В.А. Гусев, А.Н. Кольев, А. Щипков, А.А. Френкин, В. Радаев и др.), изучение современного русского

консерватизма находится на начальной стадии. Следует обратить внимание на наметившуюся тенденцию к политико-прикладному, а не социально-философскому или политико-философскому изучению данного общественно-политического феномена посткоммунистической России.

Итак, теме «русский консерватизм» посвящена довольно обширная литература. Однако все еще отсутствует социально-философское осмысление русского консерватизма как целостного общественного явления XX в., включающего в себя идеологию и социально-политическую практику. В современном научном дискурсе нет единства мнений по поводу сущности русского национализма, его характерных чертах и особенностях. Все еще не разработан методологический конструкт социально-философского изучения темы. Все это придает теме диссертационного исследования проблемный характер.

Цель научного исследования: провести социально-философское исследование сущности русского консерватизма, выявить его идеологические основания и раскрыть содержание социально-политической практики.

Задачи исследования:

- провести реконструкцию истории понятия «консерватизм», проанализировать основные исследовательские подходы к определению сущности консерватизма;
- выявить сущность консерватизма, реконструировать и охарактеризовать основополагающие принципы теоретико-познавательной модели консерватизма;
- уточнить содержание понятия «русский консерватизм», выявить онтологическую природу и социокультурные условия его формирования и развития;
- провести реконструкцию и охарактеризовать роль проблемы человека в социальной философии и теоретико-познавательной модели русского консерватизма;
- выявить постулаты консервативного подхода к определению природы и структуры социального в идеологии русского консерватизма и принципы социально-политической практики;
- провести реконструкцию развития идей национализма в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма;
- реконструировать и проанализировать развитие принципа «народного участия» в «положительных» программах русского консерватизма;
- выявить сущность, специфику и типологию современного русского консерватизма;
- выявить ключевые постулаты сущности методологических подходов русских консерваторов к проблеме «идеологии 21»;
- уточнить социальные «адреса» современного русского консерватизма;
- определить субъекты, принципы и цели социально-политической практики современного русского консерватизма.

Объект исследования – общеевропейский (христианский) консерватизм как общественно-политическое явление.

Предмет исследования – русский консерватизм как идеология и социально-политическая практика.

Методология исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составили принципы научной социальной философии, претендующей на метаторетическое обобщение результатов частных научных исследований. Это принципы холизма, научной объективности, холизма. Принцип холизма, требующий целостного рассмотрения предмета исследования, предполагает использование системного подхода к изучению русского консерватизма. Принцип научной объективности – поиск методологических средств, позволяющих адекватно реконструировать идеологию и социально-политическую практику русского консерватизма. Принцип историзма требует рассмотрения русского консерватизма как общественно-политического явления, имеющего двухвековую историю (XIX – начало XXI вв.) и находящегося в процессе постоянной идейно-политической эволюции в контексте исторических задач, стоящих перед Россией.

Сущность идеологических постулатов и принципов социально-политической практики русского консерватизма выявляется путем исследования логики их формирования и развития, через определение их исторических и теоретических источников, философско-мировоззренческих оснований и социокультурных детерминант. Принцип детерминации социально-философского определенным типом культуры позволяет сделать вывод, что понимание своеобразия русского консерватизма как социально-философского феномена становится возможным лишь в пространстве отечественной культуры.

В исследовании были использованы элементы методологии консервативной «школы» социально-гуманитарного знания. Ранее попытки реконструкции изучаемого явления сквозь призму мировоззренческого восприятия представителей определенной эпохи предпринимались в рамках структурно-семиотического подхода, разработанного в рамках московско-тартуской школы семиотики (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский). В вышедшей в 2005 г. монографии А.Н. Кольева «Теория нации и государства. Опыт консервативной реконструкции» также предпринята попытка подойти к анализу изучаемого явления, используя методологию консервативной концепции. Использование данного подхода позволило нам решить ряд исследовательских задач. В частности, определение сущности консерватизма было осуществлено на основе реконструкции теоретико-познавательной модели русского консерватизма (А.С. Хомяков, Л.А. Тихомиров, Н.А. Бердяев).

В качестве методологических оснований использовался методологический подход К. Манхейма к анализу «консервативного стиля мышления». Автор использовал также компаративистский метод, позволяющий провести сравнительный анализ осмысления ключевых социальных проблем в консервативной и прогрессистской (либеральной и социалистической) социально-философских парадигмах.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Впервые в отечественной научной литературе проведено социально-философское исследование русского консерватизма как целостного об-

щественно-политического явления. Выявлены его социокультурные основания, сущность и особенности идеологии и политической практики.

2. Разработан методологический подход к изучению консерватизма как идеологии, возникшей в условиях Нового времени, но являющейся в то же время «опрокинутой» формой (трансформацией) мировоззрения Средневековья.

3. Сделан принципиальный вывод об относительной автономности консервативной идеологии от социальных «адресов», о внеклассовом и надклассовом характере консервативной идеологии.

4. Выявлена сущность русского консерватизма, который являет собой идеологию и соответствующую ей социально-политическую практику, направленную на реализацию в настоящем и будущем некоей «идеальной» модели общественно-политического устройства, основанной на национальной культуре, принципы которой были реализованы в эпоху Русского Средневековья.

5. В результате содержательного анализа оригинальных текстов русских консервативных идеологов выявлено, что вопреки устоявшейся в научной литературе точке зрения социальная философия и теоретико-познавательная модель русского консерватизма носили персоналистский характер. В то же время персонализм русских консерваторов выступал в качестве антитезы либерального индивидуализма.

6. Выявлены постулаты консервативного подхода к природе и структуре общества, реконструирован процесс и охарактеризованы результаты формирования корпоративизма и солидаризма в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма.

7. Проведены реконструкция и анализ развития идей национализма в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма. Выявлено, что наряду с традиционным имперским направлением в русском консерватизме уже на первом этапе его развития возникает идеология так называемого национал-консерватизма или консервативного национализма. Русский национал-консерватизм типологизирован в виде трех направлений: политический, культурный и духовный национализм.

8. В работе на основе анализа подходов теоретиков и идеологов русского консерватизма обосновано принципиально новое положение, согласно которому в русском консерватизме были разработаны политические программы «народного участия» и «творческой демократии». Данные программы оппонируют принципам западной (либеральной и социальной) демократии.

9. Выявлены сущность и специфика современного русского консерватизма как в сравнении с предшествующими этапами развития консерватизма в России, так и в соотношении с современным западноевропейским и североамериканским консерватизмом. Проведена типологизация консерватизма в посткоммунистической России. Установлено, что наряду с идеологией русского консерватизма сосуществует ряд идеологических систем псевдоконсервативной направленности (превращенные формы либерализма и национал-большевизма).

10. Выявлены основные социальные «центры» – носители идеологии русского консерватизма в современной России, субъекты и принципы социально-политической практики современного русского консерватизма. Основными социальными группами, в рамках которых происходит процесс идеологотворчества русского консерватизма, являются Русская православная церковь, силовые структуры (армия, спецслужбы), отдельные группы культурной и научной элиты страны. Из субъектов политических процессов в современной России статусу консервативной в наибольшей степени соответствует блок/партия «Родина». Как следствие данного подхода, сделан вывод, что русский консерватизм представлен в политическом спектре Российской Федерации. Социально-политическая практика современного русского консерватизма связана с борьбой за власть (программа-максимум) и реализацией консервативной программы либо за влияние или давление на власть (программа-минимум), что делает вероятным реализацию отдельных положений данных программ. В то же время участие в избирательных кампаниях не является единственной и даже важнейшей формой социально-политической практики современного русского консерватизма. В работе прогнозируется вероятность постепенного отхода части консервативных образований (прежде всего партии «Родина») от участия в политическом процессе в его сложившихся формах и переход на позиции так называемой внесистемной оппозиции.

Положения, выносимые на защиту:

1. В социально-философском дискурсе существуют различные представления о сущности консерватизма как политической идеологии. В рамках ситуативного (функционального) подхода консерватизм трактуется как идеология, служащая для обоснования и идейно-политической защиты социально-политического статус-кво. В рамках данного подхода консерватизму отказано в наличии устойчивого идейного ядра. Консерватизм фактически выступает в качестве функциональной формы, способной сохранять различное идейно-политическое содержание. В рамках идейного (содержательного) подхода консерватизм трактуется в качестве идеологии, обладающей устойчивым идейным ядром, как и оппонирующие ему либерализм и социализм. Наряду с ситуативным и идейным в научной литературе сформировался ряд промежуточных подходов, в рамках которых предпринята попытка преодолеть методологические недостатки вышеозначенных подходов.

2. Консерватизм являет собой одну из трех основных политических идеологий современности, наряду с либерализмом и социализмом, генезис которых прослеживается в рационалистической философии Ренессанса и Просвещения. В отличие от двух вышеозначенных идеологий консерватизм – единственная политическая идеология современности, выступающая с антипрогрессистских позиций. Консерватизм – идеология, возникшая в Новое время и являющаяся, в то же время, «опрокинутой» формой (трансформацией) универсального мировоззрения Средневековья, компонентами которого являются: теоцентризм, органицизм, неверие в исторический и социальный прогресс, иерархичность и общинно-цеховое (корпоративистское) социальное сознание.

3. Русский консерватизм является идеологией и соответствующей ей социально-политической практикой, обосновывающей общественно-политическую модель «идеального» Русского Средневековья. Квинтэссенцией идеологии русского консерватизма являются следующие тезисы: возрождение «идеального» самодержавия и системы взаимоотношений между властью, церковью и обществом, существовавшей до начала вестернизации середины XVII в.; развитие традиционной, основанной на православии, русской культуры; основу социальной жизни составляет принцип общинности.

4. Консервативная идеология в России, как и оппонировавшие ей идеологические системы, не является идеологией определенных страт общества (в данном случае – феодального дворянства) и в целом достаточно автономна от социальной базы. Русский дореволюционный консерватизм исторически был связан с дворянским сословием, однако дворянство следует рассматривать как первую русскую интеллигенцию, которая являлась социальным слоем, в рамках которого происходило формирование различных идеологических систем. Для русского консерватизма, как и для других идеологических систем, классовый фактор не являлся определяющим. Более важным значением, чем классово-эгоистичные интересы, обладали социокультурные традиции. Консервативные симпатии определялись преимущественно принадлежностью к слою носителей традиционной культуры. Следует подчеркнуть, что принадлежность к определенному социокультурному слою не носила детерминированного характера.

5. В русском консерватизме получает принципиально иное, чем в либерализме, раскрытие проблемы человеческой личности. В качестве наиболее характерных образцов «стиля мышления» и социально-философской антропологии русского консерватизма следует назвать историографическую методологию Н.М. Карамзина, социальную и религиозную философию «старших славянофилов», художественное творчество Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева. В идеологии и теоретико-познавательной модели русского консерватизма наблюдается повышенный интерес к проблематике «внутреннего» («сокровенного») человека. Первоисточник этого подхода – святоотеческое православно-христианское учение, из которого ведет генезис идеология русского консерватизма. Персонализм, принцип социализированной и воцерковленной личности, разработанный в рамках русского консерватизма, является антитезой либерального индивидуализма. Индивид, согласно консервативной трактовке, в полной мере обладает предикатами личности, лишь являясь полноправным членом духовного (церковь), исторического (нация) и социального (община) организмов.

6. В идеологии русского консерватизма получила трактовку идея общества как сложного социального организма, состоящего не из индивидуальных, а коллективных личностей: сословий, корпораций, общин и др. Органицистское понимание природы и структуры социального в рамках русского консерватизма являлось антитезой атомизированного (индивидуалистического) общества либерализма. Развитием изложенных выше принципов стала концепция корпоративной монархической государственности Л.А. Тихоми-

рова. Отдельные положения данной концепции были реализованы в социально-политической практике русского консерватизма на рубеже XIX–XX вв.

7. Ведущими идеологами русского консерватизма (Д.А. Хомяков, Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин, И.Л. Солоневич и др.) были разработаны концепции «народного участия» и принципы социально-политической практики, сделан принципиальный вывод о необходимости реального, а не формализованного участия народа в государственном управлении и местном самоуправлении. В рамках русского консерватизма были выработаны принципы отбора народных представителей, альтернативные принципам парламентарной демократии, основанные на идее представительства социальных групп (Л.А. Тихомиров) и «слоя лучших» (И.А. Ильин). Данное направление русского консерватизма («народная монархия») оказывает определяющее влияние на идеологию и социально-политическую практику современного русского консерватизма.

8. Консерватизм в современной России представлен двумя направлениями: «идеологическим» (т.е., консерватизмом в точном значении данного термина) и «политическим» («прагматическим»), в котором акцент сделан на «прикладных» постулатах консерватизма: патриотизме, державничестве, идее державообразующей роли русского народа в государстве Российском, социально ориентированном государстве и др. «Политический» («прагматический») консерватизм не институционализирован, его адепты представлены в различных провластных и оппозиционных политических партиях, в среде научной общественности. Та или иная идеология или политическая сила, претендующая на статус консервативной, в той или иной мере декларируют преемственность от консервативной традиции в России. Тем самым, консерватизм в современной России является именно *русским* консерватизмом.

9. Идеологические постулаты русского консерватизма и методологические подходы русских консерваторов к проблеме идеологического творчества обладают несомненной значимостью в свете проблемы «идеологии 21», проекте патриотической научной элиты страны. Позитивное решение данной проблемы актуализирует задействование постулатов идеологии и принципов социально-политической практики, выработанных в рамках русского консерватизма.

10. Основными «центрами» разработки идеологии современного русского консерватизма являются Русская православная церковь, силовые структуры, отдельные группы творческой и научной интеллигенции. Субъектом социально-политической практики, реализующей национально-мобилизующую «идеологию 21», должны выступить широкие слои российского общества.

11. Значительная часть населения страны являются носителями либо симпатиками консервативной идеологии, что, в частности, проявляется в электоральном поведении российских избирателей. Возникновение «феномена Путина» обусловлено социальным заказом народа России на осуществление Консервативного Проекта – возрождения державной мощи России, построение социально справедливого государства, что актуализирует задействование нелиберальных принципов.

12. Социально-политическая практика современного русского консерватизма представлена деятельностью многочисленных партий и организаций и осуществлялась в самых разных формах политического и неполитического участия. Главным направлением социально-политической практики современного русского консерватизма было «участие во власти» (КРО, «Родина», «Народная воля» и др.). Единственным на сегодняшний день крупным электоральным успехом консерваторов стала победа блока «Родина» на выборах в Государственную думу в декабре 2003 г.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основное теоретическое значение изучения идеологии и социально-политической практики русского консерватизма состоит в качественном приращении знания в социальных науках.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы в социально-политической практике: реформирования систем местного самоуправления и народного представительства, национальной политики, в сфере взаимоотношений бизнеса, общества и государства. Теоретические положения, выдвинутые и обоснованные в данной работе, могут найти применение при подготовке программных документов современных российских политических партий и общественных и общественно-политических движений, разработке их стратегии и тактики.

Материалы диссертационного исследования использовались при подготовке учебников и учебных пособий по курсу исторической политологии, чтении спецкурсов по теоретическим проблемам и историческим аспектам политических идеологий. Они могут быть использованы также в преподавании истории философии, политологии и т.д.

Апробация работы. Основные идеи диссертационного исследования прошли апробацию в опубликованных автором статьях и монографии, нашли отражение в докладах и выступлениях перед научным сообществом:

на всероссийской научной конференции «Восток. Запад. Россия» (14–15 октября 1993 г., Ростов-на-Дону); на всероссийской научно-теоретической конференции «Либеральный консерватизм в России: история и современность» (24–25 мая 2000 г., Ростов-на-Дону); на международной научно-практической конференции «Славяне в мировой культуре и истории» (22–23 мая 2003 г., Ростов-на-Дону); на всероссийской научно-практической конференции «Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма» (13–14 декабря 2003 г., Ростов-на-Дону); на всероссийской научно-теоретической конференции «Правовое и политическое взаимодействие» (24–25 мая 2004 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) и др.

Диссертация обсуждалась на кафедре социологии, политологии и права ИППК РГУ.

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 39 научных и учебных работ общим объемом более 22 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, одиннадцати параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** рассматриваются актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности; ставится проблема исследования; определяются его цель, задачи, объект, предмет, методологические основы, новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; показываются теоретическая и практическая значимость результатов исследования и их апробация.

В первой главе «**Теоретико-методологические проблемы исследования консерватизма**» анализируются различные подходы к понятию консерватизма в социальном научном знании, предложен и обоснован методологический конструкт социально-философского исследования русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики на различных этапах его развития.

В первом параграфе «История понятия «консерватизм»: основные подходы» исследуются сложившиеся в научной литературе подходы к изучению консерватизма как политической идеологии.

Термин «консерватизм» применительно к сфере политической идеологии был введен в оборот в конце 1810 года французским роялистом и классиком европейской литературы Франсуа Рене де Шатобрианом. Научное изучение консерватизма началось приблизительно в середине XIX столетия. Перед исследователями феномена консерватизма возникла проблема методологического плана: какое наследство призван охранять (консервировать) консерватизм? Идет ли речь о сохранении некоей универсальной Традиции или консерватизм нацелен на сохранение локализованной во времени социально-политической ситуации, общественно-политического статус-кво? Сложившаяся методологическая ситуация привела впоследствии к появлению двух основных теоретико-методологических подходов к определению сущности консерватизма. Сторонники первого, идейного (содержательного) подхода исходили из трактовки консерватизма как политической идеологии, обладающей устойчивым идейным ядром, по аналогии с другими, оппонирующими ему политическими идеологиями (К. Манхейм, К. Поппер, Э. Гидденс, Э. Хобсбаум, Е. Шацкий, Н.А. Бердяев, А.С. Панарин, А.М. Руткевич, А.Н. Кольев, М.М. Федорова, А.Н. Ерыгин, В.П. Макаренко, Ю.Г. Волков, В.С. Малицкий, В.В. Шелохаев, В.И. Приленский, В.Я. Гросул, А.Г. Дугин, В.А. Гусев, Г.И. Мусихин, М.Ю. Чернавский и др.). Этими исследователями отмечалось, что в отличие от либерализма и социализма консерватизм вдохновляется не проектами построения будущего (в этом смысле и либерализм, и социализм являются проектами прогрессистскими), а сохранением и сбережением универсальных, вечных ценностей.

В рамках идейного (содержательного) подхода наличествует ряд методологически различных направлений. Социологический акцент в определении консерватизма сделан одним из родоначальников научного изучения консерватизма, немецким социологом К. Манхеймом в классическом

исследовании «Консервативная мысль». Он определяет консерватизм в качестве особого, исторически и социологически укорененного типа мировоззрения (для определения последнего К. Мангейм ввел специальный термин – «стиль мышления»). По мнению социолога, консерватизм является идеологией, возникшей в качестве реакции на мыслительные образцы философии Просвещения и революционные социально-политические инновации Великой французской революции 1789 г. Консерватизм стал духовным и интеллектуальным ответом на идеологию буржуазного общества: либерализма, рационализма, индивидуализма и просветительской философии. К. Мангейм, в значительной мере под влиянием марксизма, положил начало методологической традиции, которую можно определить как социоцентристское направление в рамках идейного подхода. Представители данного методологического направления трактуют консерватизм и политические идеологии в целом как продукт идеологического творчества определенных социальных групп. В отношении консерватизма – феодальных страт общества: дворянства, цеховых ремесленников, духовенства и др. Логическим развитием социоцентристской методологии стал бы вывод об отмирании консерватизма как политической идеологии в результате «смерти» его социальных носителей – феодальных страт общества.

Эвристические недостатки социоцентристского подхода были отмечены представителями идеократического направления. Русский философ Н.А. Бердяев в книгах «Новое средневековье» и «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» обратил внимание на вневременную онтологическую природу консерватизма, не локализованную конкретной социально-политической ситуацией и исторической эпохой.

Второй подход к определению консерватизма получил название ситуативного (функционального), как стремление к сохранению статус-кво. По мнению сторонников ситуативного подхода, в отличие от либерализма и социализма консерватизм не имеет устойчивого идейного ядра и принимает разные формы в различные исторические периоды. В этом принципиальное отличие консерватизма от либерализма и социализма, имеющих устойчивое идейное ядро. Консерватизм, фактически, сводится к функции, является формообразующей оболочкой для вмещения любой идеологической составной.

Манифестом ситуативного подхода стал классический труд американского философа С. Хантингтона «Консерватизм как идеология». В настоящее время в зарубежной и отечественной научной литературе сформировалось отдельное направление (П.Б. Струве, П.Ю. Рахшмир, А.Ю. Мельвиль, К.С. Гаджиев и др.).

Ситуативная (функциональная) трактовка консерватизма размывает методологические границы данного явления, в рамках которого объединяются носители различных мировоззренческих и идейно-политических ценностей.

Наряду с идейным и ситуативным подходами существует ряд промежуточных или компромиссных подходов к определению сущности консерва-

тизма. В рамках этих подходов предпринимаются попытки преодоления эвристических недостатков, связанных с фактическим отсутствием консерватизма в его классической форме в социально-политической практике современного мира (идейный подход), и с размытыми методологическими границами данного явления (ситуативный подход).

Во втором параграфе «Сущность и теоретико-познавательная модель консерватизма» обосновывается разработанный автором методологический конструкт социально-философского исследования консерватизма, анализируется понятийный аппарат изучения темы, реконструируются постулаты «консервативного стиля мышления».

Консерватизм представляет собой идейно-политическое явление, имеющее устойчивое идейное ядро, возникшее и развивающееся в странах европейской (христианской) культуры. В отличие от двух других основных идеологических систем современности – либерализма и социализма – консерватизм представляет собой антипрогрессистское направление, методологию которого составляет не та или иная форма безрелигиозного рационализма, а философский теизм. Консерватизм рассматривается как феномен уникальных христианских (западно- и восточноевропейского) социокультурных миров. Идеология консерватизма берет истоки в Традиции, основанной на христианских ценностях. Признание христианского мироустройства и божественной иерархии как *единственного* образца для государственного и общественного творчества является квинтэссенцией консерватизма. Феодализм же является превращенной, ограниченной историческими рамками, формой этой универсальной традиции. Консерватизм следует обозначить как реакцию «средневекового» религиозно-корпоративного сознания на революционные изменения в мировоззрении и социальные инновации Нового времени.

В научной литературе сложилось устойчивое мнение, согласно которому консерватизм, в отличие от прогрессизма (либерализма и социализма), является апологией прошлого, Золотого века. Приведенная здесь точка зрения нуждается в существенном уточнении. Консерватизм не является ретроспективной идеологией так же, как и либерализм и социализм он устремлен в будущее, но не путем разрыва с прошлым, объявленного идеологами прогрессизма «темными веками». В основе консервативной идеологии находится религиозный субстрат, подчеркивается ограниченность исторического и социального прогресса, хотя и не отвергает его как таковой. Апелляция консерваторов к Средневековью объясняется не ностальгическим пафосом, а представлением о нем как об эпохе, в которой наиболее полно осуществились идеалы Вечности. Не апологетизируя социальные институты и исторические формы бытия Средних веков, консерватизм считает идеалы Средневековья своими идеалами.

Консерватизм отличался от прогрессизма не только содержательно, но и методологически, являя собой совершенно иную мыслительную традицию. Уже в начале XIX столетия в Западной Европе и России начинает формироваться консервативная парадигма социально-гуманитарных наук. Осно-

ву теоретико-познавательной модели данного направления составляет консервативное мировоззрение (по определению К. Манхейма, «консервативный стиль мышления»), основанное на религиозной картине мира и взаимосвязанных «средневековых» (традиционалистских) представлениях о человеческом обществе и человеческой личности. Человек в идеологии консерватизма не может быть признан полноценной личностью без своей включенности в целый ряд микросоциумов: конфессиональных групп, территориальных и церковных общин, сословий или корпораций и т.д.

В исследовании идеология понимается как производная определенного типа универсального мировоззрения (в отношении консерватизма – условно именуемого традиционалистским). В современном мире существуют три основных вида политической идеологии: либерализм и социализм (идеологии прогрессизма) и консерватизм, в рамках которых существуют многочисленные подвиды. Идеология понимается как система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений. Реализация этих целей и программ осуществляется в процессе социально-политической практики.

Во второй главе **«Русский консерватизм: социокультурный фон и проблема гуманизма»** проведен анализ двух взаимосвязанных аспектов русского консерватизма: социального опыта общественных групп – носителей консервативной идеологии и особенностей гносеологии «консервативного стиля мышления» в России сквозь призму центральной для русской философии проблемы человека.

В первом параграфе **«Русский консерватизм: онтологическая природа и социокультурные условия»** уточняется содержание понятия «русский консерватизм». Русский консерватизм, являясь составной частью консерватизма общеевропейского (христианского), подпадает под видовые характеристики данного явления, а именно: является политической идеологией, возникшей в Новое время, но, в то же время, представляющей собой «опрокинутую» форму (трансформацию) мировоззрения Средневековья. Теоретико-познавательная модель русского консерватизма во многом идентична аналогичной модели западноевропейского консерватизма. Существенные различия обусловлены различием духовного и культурного ядра восточно- и западнохристианской цивилизаций, а также различием социально-исторического развития Восточной и Западной Европы. «Основополагающим мотивом» (К. Манхейм) возникновения русского консерватизма выступила рационалистическая вестернизация русской жизни, начавшаяся в середине XVII столетия, апофеозом которой стали реформы Петра I.

В работе сделан принципиальный вывод, что принадлежность к носителям консервативной идеологии не носила жестко детерминированного классового характера и не определялась принадлежностью к тому или иному сословию дореволюционного русского общества. Сословно-классо-

вые, в той или иной мере социально-эгоистичные интересы, безусловно, оказывали свое воздействие на формирование идеологических установок. В то же время консерватизм, как и оппонирующие ему идеологические системы, предполагает определенную бескорыстность (идейность) своих носителей, что и определяло его притягательность для различных социальных слоев. В противном случае он являлся бы идеологией привилегированных сословий (прежде всего, поместного дворянства) и правящей бюрократии, что не подтверждается на материале русского консерватизма. Изучение последнего позволяет сделать вывод, парадоксальный для исследователей, понимающих идеологию как «голый интерес»: наиболее консервативным слоем русского общества являлось не привилегированное дворянское сословие, а крестьянство, стоявшее на низшей ступени социальной иерархии традиционного общества. Включенность в среду носителей традиционной культуры оказывала, в итоге, более ощутимое воздействие на формирование аксиом политического сознания, пусть даже на самом приземленном уровне, чем нахождение на вертикальной шкале социальной иерархии. Дворянство, точнее его интеллектуальные круги, в течение длительного времени играло роль первой русской интеллигенции. Дворяне-интеллектуалы были представлены в различных идейно-политических направлениях общественно-политического спектра России, в том числе, оппозиционных и революционных. Противоречивость дворянского сословия характеризуется известным антагонизмом между социальной привилегированностью данной общественной страты и «прививкой» западной культуры, что делало его восприимчивым к усвоению «передовых» идей, выработанных в лаборатории западноевропейской общественно-политической мысли. Позднее, в период проведения буржуазных реформ и разрушения традиционного общества, лидирующие позиции дворянства как сословия-культургера были существенно ослаблены: на смену дворянской интеллигенции приходит бессословная (разночинная) интеллигенция.

Наименее восприимчивым к влияниям западной культуры социокультурным слоем традиционного русского общества являлись полупривилегированные и демократические сословия: духовенство, мещанство, гильдейское купечество, казачество и, прежде всего, крестьянство. Не обладая в должной мере необходимыми интеллектуальными навыками (в данной сфере конкуренцию дворянству могла составить лишь привилегированная часть «черного» духовенства, политизация которого происходит накануне крушения русской исторической государственности), эти слои оставались носителями стихийного традиционализма или «естественного консерватизма» (К. Мангейм). Оставаясь антиинтеллектуальным явлением, стихийный традиционализм социальных низов обладал огромным резервом прочности. В начале XX столетия основными субъектами социально-политической практики русского консерватизма становятся «черные миллионы» – представители широких демократических слоев русского общества: мещане, крестьяне, в меньшей степени рабочие. Именно русское крестьянство составляло подавляющее большинство численного состава правых (консер-

вативных) партий. Представители дворянства, наиболее культурного и организованного слоя, преобладали в руководящих органах местных отделов и всероссийских главных палат правомонархических партий.

В условиях эмиграции и советского подполья происходит окончательный разрыв между идеологией и социальным слоем – тенденция, наметившаяся уже в дореволюционный период. Носителями идеологии русского консерватизма становятся утратившие сословные характеристики интеллигенция и духовенство. Существенно изменилась направленность целеполаганий вышеозначенного идейно-политического направления. «Основопологающим мотивом» русского консерватизма на данном этапе становится не сохранение/возвращение сословных привилегий и даже не воссоздание преходящего института монархической верховной власти, а возрождение традиционной русской духовности и культуры, а также принципов, а не конкретно-исторических форм общественно-политического устройства.

Во втором параграфе «Проблема человека в социальной философии и теоретико-познавательной модели русского консерватизма» анализируется центральная для социальной философии русского консерватизма проблема человека, которая дает ключ к пониманию консервативных концепций общественно-политического устройства.

В научной литературе прочно утвердилось мнение о консерватизме как коллективистской идеологии. Определенные основания для подобной точки зрения, безусловно, существуют. Вместе с тем, социальная философия и теоретико-познавательная модель русского консерватизма носят в большей степени антропоцентричный характер, чем в либерализме, главном оппоненте консервативной идеологии.

Хорошо известен, и в целом не вызывает возражений, тезис об антропологическом пессимизме консерватизма, в целом, и русского консерватизма, в частности. Однако исследователи, акцентирующие на нем внимание, зачастую выпускают из вида то обстоятельство, что консервативная критика, как правило, была направлена в адрес «непросвещенного» человека, находящегося в плену собственных «страстей» и не сдерживаемого «священными преданиями» религии и производных от нее морали и культуры. Лейтмотивом социальной философии и идеологии русского консерватизма являлся тезис о приоритете нравственного и культурного воспитания общества и «образования» (в первичном понимании этого слова) отдельного человека (прогрессизм игнорировал значимость данной задачи либо ставил ее в зависимость от политической или экономической эмансипации общества). Отсюда постоянный интерес русских консерваторов к проблематике «внутренней свободы» как своеобразного «компенсатора» политической несвободы. Данная установка встречается, в частности, у Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и, особенно, у К.Н. Леонтьева.

Иная версия консервативной социально-философской антропологии и теоретико-познавательной модели разработана в рамках славянофильско-почвеннического направления русского консерватизма. Философы славянофильского направления русской мысли на основе святоотеческой пра-

восславной традиции выстроили альтернативную концепцию *внутренней цельности разума* (И.В. Киреевский) или *цельного разума* (А.С. Хомяков), исходящей из принципа единения всех мыслительных, духовных и душевных качеств человеческой личности.

Для представителей славянофильства и почвенничества характерно понимание человека не как самодостаточного индивидуума, человеческой монады, а как самостоятельного члена духовного организма – Церкви. Но человек, отпавший от тела Церкви, порвавший нравственные связи с другими человеческими самостями и превратившийся в «уединенную или обособляющуюся личность» (Г.В. Флоровский), утрачивает свою духовную значимость. В этом принципиальное отличие персонализма консерваторов от индивидуализма либералов (и, особенно, либертарианцев), априори признающих высшее значение индивидуума со всеми его пороками и эгоистичными устремлениями. Человек в гносеологии русских консерваторов представляет собой высшую ценность, если осознает собственное существование не для себя одного, а для целого – Церкви, Родины, общины, семьи.

Развитием идеи высокого значения человеческой личности, заложенной в религиозной и социальной философии славянофилов, стал художественный метод идеолога почвенничества Ф.М. Достоевского, позднее интерпретированный М.М. Бахтиным как «полифонический роман Достоевского». В художественном методе писателя получило своеобразное раскрытие идея соборности (понятие, разработанное в философии «старшего славянофильства»). Суть этой идеи – признание высочайшей ценности человеческой личности, но личности не обособленной (человека-для-себя), а гармонизирующей с обществом, находящейся в общении с другим «Я».

Своеобразие «консервативного стиля мышления» в России проявилось, в частности, в том, что персоналистская направленность идеологии наиболее полно раскрывается не в отвлеченных философских схемах о человеке, а в художественном творчестве тех писателей, у которых человек является *методом* познания духовной и социальной действительности.

В **третьей главе «Структура консервативной модели общественного устройства России: социальное, национальное, политическое»** проведено комплексное исследование «идеальной» модели общественно-политического устройства русского консерватизма через анализ основных аспектов данной концепции.

В **первом параграфе «Природа и структура социального в идеологии русского консерватизма. Принципы социально-политической практики»** выявлены постулаты консервативного подхода к природе и структуре общества. Органицистское понимание общества, характерное для идеологии русского консерватизма, предопределило отрицательное отношение консерваторов к механистичному переносу общественно-политических институтов Западной Европы на русскую почву. Оппозиционность консерваторов к правительственному реформизму и экспериментаторским интеллектуальным проектам либералов была обусловлена в большей мере не степенью радикализма тех и других, а неорганичным характером преобразований,

сводившихся к копированию чужеродных образцов. Органицизм, являясь системообразующим принципом «консервативного стиля мышления» в России, подводил теоретическое обоснование под консервативные воззрения на сложную социальную структуру общества, давал оправдание социальной иерархии. Русские консерваторы, постоянно дискутируя с идеологией либерализма, подчеркивали, что «общегражданский строй» либералов является синонимом атомизированного общества. В отличие от либерализма, консерватизм преимущественно оперирует не понятиями «государство» и «индивид», а срединным понятием «коллективной личности», под которыми понимаются «естественные», органичные социальные стра- ты – общины, сословия, корпорации и т.д.

Вопрос о проблеме консервативного реформизма сохраняет свою дискуссионность в научной литературе. Дdiamетрально противоположные точки зрения на консерватизм как антитезу социального реформирования и, с другой стороны, как идеологию и социально-политическую практику – антагонистов радикальных (вплоть до революционных) инноваций, являются категоричными и нуждаются в корректировке. Ключ к раскрытию данной методологической проблемы дает анализ органицизма как системообразующего принципа теоретико-познавательной модели русского консерватизма. Консерваторы подчеркивали «естественное» происхождение общества, что делало невозможным (или нецелесообразным) произвольный перенос политического и социального опыта и институтов на инокультурную почву, ограничивало возможности реформирования общественно-политической системы в соответствии с абстрактными теориями, имеющими искусственное («книжное») происхождение. Вместе с тем, настороженное отношение к социальным инновациям в рамках «консервативного стиля мышления» в России не носило абсолютного характера. Русский консерватизм не являлся слепой апологией застоя, но, в то же время, не представлял собою идеологию умеренности и постепенности. Консервативное творчество и консервативный реформизм заключались преимущественно не в дозированности социальных изменений, а в характере вышеозначенных реформ. В том случае, когда проекты преобразований не затрагивали сущностных сторон жизнедеятельности общества и предполагали органичное исправление, может идти речь о консервативном творчестве и консервативном реформизме. В определенных случаях консерваторы считали допустимым пожертвовать конкретно-историческими формами и социальными институтами (крепостное право, община, даже монархическая государственность) во имя сохранения целого, т.е., сложившегося культурно-исторического типа. Консервативный призыв «не к состоянию древней России, а к пути древней России» (К.С. Аксаков) делал теоретически возможным также и создание новых социальных институтов, если они вписывались в социокультурную и общественно-политическую архитектуру. Социально-политическая практика русского консерватизма (дореволюционного, эмигрантского, современного) свидетельствует о значительном потенциале консервативного реформизма, в отдельных случаях принимавшего не менее радикальные формы, чем реформизм прогрессистов.

Важным постулатом идеологии русского консерватизма являлась концепция классовой солидарности, в основу которой положена идея о надклассовой природе самодержавия, которое играло роль арбитра социальных споров. Декларировалось, что самодержавная власть отстаивает интересы всей нации, а не отдельной социальной группы. Реальная социально-политическая практика русского самодержавия «петербургского периода» не укладывалась в рамки идеализированной консерваторами формы общественно-политического устройства. Теоретическим открытием консерваторов стала теория так называемых средостений – привилегированных социальных слоев, опосредующих между монархом и народом. Вышеозначенная теория славянофильского происхождения была включена в идейно-теоретический багаж русского консерватизма (Л.А. Тихомиров, И.Л. Солоневич и др.) и дополнена тезисом о необходимости возврата к «чистому» самодержавию, стоящему над эгоистичными социально-классовыми интересами и конфликтами.

Используя социально-политический критерий, русский дореволюционный консерватизм типологизируется на три направления: консерваторы-общественники (славянофилы и почвенники), государственнический или бюрократический консерватизм (Н.М. Карамзин, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев), сословно-корпоративистский консерватизм (К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров). В рамках последнего была разработана доктрина корпоративного монархического государства. «Основополагающим мотивом» данной концепции послужил консервативный постулат об обществе как социальном организме, состоящем из коллективных членов или личностей. Соответственно представительство интересов нации понималось как представительство конкретных социальных групп – подход, получивший развитие в консервативных концепциях «народного участия».

Принципы корпоративизма, разработанные в рамках сословно-корпоративного направления, в определенной мере получили развитие в социально-политической практике русского консерватизма. Элементы корпоративной доктрины были реализованы в виде легальных рабочих организаций на рубеже XIX–XX вв. (так называемый полицейский социализм). Противоречивые итоги деятельности лояльных монархии рабочих «профсоюзов» привели к сворачиванию смелого социального эксперимента.

Во втором параграфе «Национализм в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма» анализируется генезис и развитие национализма в идеологии русского консерватизма, а также цели и формы осуществления данных идеологических постулатов в социально-политической практике. Рассматриваются имеющиеся в научной литературе представления о сущности национализма, возможности различных парадигм его изучения, разработан методологический конструкт социально-философского исследования русского национализма в его консервативном варианте.

Развитие русского национал-консерватизма проходило в условиях идейно-теоретической полемики и политического противостояния с официальной имперской идеологией самодержавной России. Русский национализм

в его консервативном варианте остался преимущественно клубным течением интеллектуалов-русофилов. Лишь на последнем этапе существования монархической государственности отдельные идеологические постулаты данного течения были реализованы в социально-политической практике власти. Более значимым направлением социально-политической практики русского национал-консерватизма (сосуществовавшего параллельно с национал-либерализмом «веховского» направления российского либерализма) стала деятельность правомонархических партий и организаций начала XX в., а также правого крыла Русского Зарубежья.

В русском консервативном национализме достаточно четко прослеживается существование трех подвидов национализма: политического, культурного и духовного. Данные подвиды консервативного национализма являли собой идейно-политические, организационно неструктурированные направления. Линия водораздела между ними, в отдельных случаях достаточно условная, пролегла в разной расстановке акцентов при формулировке целеполаганий. Форму и масштабы широкого общественного движения получил лишь политический национализм в виде идеологии и социально-политической практики правомонархических партий, стратегическая цель которых заключалась в завоевании русскими политической власти в условиях модернизирующейся России. В силу элитарности культурный национализм (славянофилы, К.Н. Леонтьев) и духовный национализм (славянофилы, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин), отдававшие приоритет развитию самобытной национальной культуры и религиозному мессианизму, не получили реализации в социально-политической практике. В то же время идейно-теоретический уровень этих концепций существенно превышал уровень идеологических построений политического национализма.

В третьем параграфе «Развитие идеи «народного участия» в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма» анализируется система взаимоотношений консерватизма и демократии в идеологии и социально-политической практике русского консерватизма.

Консерватизм в России и мире возник в течение длительного времени и развивался в оппозиции идеи народовластия. Демократия исторически являлась политическим противником консерватизма, идеологией монархической государственности. Тем не менее, анализ материала русского консерватизма позволяет заключить, что система взаимоотношений между данными идеологическими моделями не укладывается в дихотомию принятие/отторжение. Идеологами русского консерватизма демократия типологизировалась на два основных течения: либеральную и социальную, соответственно, либерализм и социализм. Критика либерально-демократической и социалистической моделей, их идеологии и социально-политической практики занимает важное место в развитии интеллектуальной традиции русского консерватизма. Наиболее концептуальными являются консервативные проекты Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина.

Системообразующим принципом тихомировской консервативной доктрины является идея верховной власти, генезис которой восходит к полити-

ческой философии Аристотеля. Анализ вышеозначенной доктрины позволил сделать вывод, что наряду с «Политикой» Аристотеля к числу ее основных источников следует отнести концепцию ведущего идеолога русского либерализма Б.Н. Чичерина («Курс государственной науки») и классический контракт теоретика радикальной демократии Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре». Вслед за Б.Н. Чичериным, Тихомиров выделял следующие предикаты верховной власти (синоним суверена): она едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща, является источником всякой подчиненной («управительной») власти в государстве. Принципиальная критика консервативным идеологом чичеринской концепции заключалась в содержащейся в последней идее «сочетанной» (т. е., смешанной) верховной власти. Практическим преломлением данного теоретического спора стала консервативная критика либеральной концепции разделения властей и альтернативы самодержавию – конституционной монархии. В представлении консерваторов последняя являла собой закамуфлированную форму демократии, при которой реальная верховная власть принадлежит народу-Суверену.

В концепциях и доктринах русских консерваторов последовательной и аргументированной критике подвергаются не только постулаты либеральной демократии: равенство, политическая свобода, идея верховной власти народа и др., но и социально-политическая практика представительной демократии. Различные институты последней: политические партии, парламентаризм и др. – главный предмет консервативной критики. По мнению консерваторов, ложная идея парламентаризма («великой лжи нашего времени») заключается в теоретически ошибочном и практически неосуществимом принципе: делегировании народной воли «народным избранныкам» – депутатам парламента. С их точки зрения (ранее подобная система аргументации была разработана Ж.Ж. Руссо), чужую волю невозможно представлять, поскольку народной воли (в отличие от народного духа) в действительности не существует. Реально члены парламента представляют собственную или партийную волю и интересы, а не волю народа. Тем самым, происходит подмена общенациональных интересов частными и групповыми (партийными, корпоративными и др.). В политико-правовой концепции И.А. Ильина, развивающей «классические» положения консервативной критики парламентаризма, предложен термин «тоталитарной демократии». Философ русского зарубежья акцентировал внимание на тоталитарной сущности советского коммунизма и западной социал-демократии. Для характеристики современной ему либеральной демократии Ильин использовал понятие формальной демократии. В основу последней положен принцип формального равенства индивидуальных волей, приоритет количественного (механической суммы частей) над качественным (иерархия способностей, духовных, волевых, интеллектуальных качеств). По мнению И.А. Ильина, формальная демократия типологически близка к тоталитаризму. Реализация либерально-демократической модели в посткоммунистической России представлялась ему наихудшим сценарием для страны.

Проблема демократии в идеологии русского консерватизма не сводится к анализу консервативной критики идеологии и социально-политической практике различных вариантов демократии. В отдельных направлениях русского консерватизма (в наиболее концептуализированном виде – в идеологии «народной монархии», идейно-политическом течении русского зарубежья) получил развитие принцип «народного участия», подразумевавшего широкое участие народных представителей в местном самоуправлении и центральном управлении при условии сохранения монархической верховной власти. Первым по времени возникновения консервативным проектом «народного участия» стала славянофильская идея воссоздания института Земских соборов и местного («земского») самоуправления, элементы которой получили реализацию в социально-политической практике самодержавной власти в 1860–1870-е годы. В доктрине Л.А. Тихомирова разработана теоретическая модель монархического народного представительства, основанного на принципах сословно-корпоративного (а не партийного) представительства. Созданная в условиях эмиграции концепция «творческой демократии» (антитеза «формальной демократии») И.А. Ильина была основана на принципе социальной селекции, отбора лучших представителей нации для участия во власти. Подобная форма выдвижения лучших представителей каждого социального слоя должна была препятствовать, по мнению консерваторов, узурпации народного представительства слоем профессиональных политиков и позволила бы создать подлинное, а не формальное представительство народа.

Историческое противостояние консерватизма и демократии потеряло свою актуальность в результате революционных потрясений в России. Идеологи русского консерватизма в изменившихся условиях оппонировали не идее народовластия, а монополии на этот принцип со стороны либеральной демократии западного типа.

Отдельные «демократические» положения консервативной идеологии были реализованы в социально-политической практике русского консерватизма. Ряд видных русских консерваторов (Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и др.) приняли участие в организации и практической деятельности земских организаций, целесообразность создания которых обосновывалась «старшими славянофилами». Деятельность так называемых зубатовских организаций, по сути первых российских профсоюзов, также можно рассматривать в интересующем нас контексте. Созданные по проекту Л.А. Тихомирова лояльные монархии рабочие союзы и ассоциации, возможно, являлись (по крайней мере, в потенциале) формой организации местного самоуправления на профессионально-корпоративной основе.

С недоверием относясь к институтам представительной демократии, русские консерваторы, тем не менее, с различной степенью активности принимали участие в избирательных кампаниях в Государственную думу дореволюционной России. Основными субъектами социально-политической практики русского консерватизма становятся политические партии – один из «классических» институтов демократии. В то же время следует отметить,

что опыт правомонархического (консервативного) партстроительства в целом не был удачным. Политические партии не являются «органичными» субъектами социально-политической практики русского консерватизма, хотя тактически некоторые из них могут добиваться электорального успеха.

В условиях эмиграции представители правого (консервативного) фланга вступали в различные объединительные союзы с представителями умеренно-левых и либерально-патриотических образований (Зарубежный съезд 1921 г. в Рейхенгалле и др.). Требование демократизации России после свержения большевистского режима содержалось в большинстве политических программ правых организаций рассеяния. Сходные по содержанию идеологические выкладки имелись в программах немногочисленных консервативных (русофильских) организаций (ВХСОН и др.) в советском подполье.

В четвертой главе «Социокультурный кризис в посткоммунистической России и идеология современного русского консерватизма» исследуется феномен консервативной идеологии в условиях социокультурного кризиса в современной России. Выказывается убеждение, что кризисные процессы в нашей стране, имеющие комплексный характер, актуализируют задачу по созиданию идеологии, объединяющей индивидов и социальные группы, и направленной на осуществление стратегического прорыва в XXI в. На роль национально-мобилизующей идеологии претендует современный русский консерватизм.

В первом параграфе «Консерватизм в современной России: сущность, специфика, типология» обосновано положение, согласно которому консерватизм в посткоммунистической России по своей сущности является составной частью русской консервативной традиции, сохранил идейное ядро и преемственность с интеллектуальной традицией предшествующих этапов развития консервативного феномена. Выявлена специфика современного русского консерватизма как в сравнении с предшествующими этапами развития консерватизма в России, так и в соотношении с современным западноевропейским и североамериканским консерватизмом. В частности, современный русский консерватизм является более фундаментальным, чем западный консерватизм. В отличие от последнего, в нем не получили развития принципы экономического либерализма. В отличие от дореволюционного русского консерватизма и консерватизма эмиграции, русский консерватизм на современном этапе слабо постулирует монархическую идею.

Проведена типологизация консерватизма в посткоммунистической России. Критерием для идейно-политической идентификации той или иной политической силы в качестве консервативной служит отношение к интеллектуальной традиции традиционного русского консерватизма. Установлено, что наряду с идеологией русского консерватизма сосуществует ряд идеологических систем псевдоконсервативной направленности (превращенные формы либерализма и социализма советского образца). Претензии различных политических сил на консервативный статус обусловлены идейным банкротством западнических идеологий – социализма и либерализма – и возникновением спроса на «почвенную» идеологию в посткоммунистической России.

Идеологии современного российского псевдоконсерватизма представлены в различных идейных направлениях (либерализм и социализм) и политических лагерях (проправительственном и оппозиционном). Первые эксперименты с консерватизмом в посткоммунистической России были предприняты в начале 90-х годов в период существования объединенной «право-левой оппозиции». Впоследствии наиболее последовательно консервативная составная реализовывалась в идеологии КПРФ. Идеологи КПРФ, декларируя приверженность национальной (в том числе идейно-политической) традиции, допускают недопустимый с точки зрения консерваторов симбиоз консервативных и революционно-социалистических ценностей. Идеологию современного коммунистического мейнстрима в РФ следует квалифицировать как национал-большевизм, русифицированный вариант социализма.

Возникновение и развитие современного правительственного «просвещенного неоконсерватизма» связывают с возникновением «феномена Путина» – президента-патриота и государственника, чья политическая риторика и политические декларации диссонировали с либеральной фразеологией периода радикал-либеральных реформ 90-х годов. Следует, однако, отметить, что генезис заложенных в него идеологических постулатов восходит к первым «консервативным» проектам «партии власти» и ее сателлитов в начале-середине 90-х годов (ПРЕС-НДР). Идеологи «партии власти» в РФ, как правило, апеллируют к традиции современного европейского неоконсерватизма («превращенной формы» либерализма).

Претензии идеологов радикал-либералов, представленных, прежде всего, политической партией «Союз правых сил» на «консервативное наследство», обусловлены, главным образом, апелляцией к опыту современного американского неоконсерватизма. Анализ идеологии и политических программ СПС позволяет сделать вывод о несостоятельности подобной идейно-политической самоидентификации. Идеология так называемых правых в РФ является либертарианской, т.е., антиконсервативной по своей идейной сущности. С идеологией американского неоконсерватизма программа СПС обнаруживает определенную типологическую тождественность лишь в экономической своей части, декларируя принцип *laissez faire* и лозунг «Меньше государства!». Принципы американского патриотизма, национализма, идеи сохранения авторитета семьи и религии не имеют аналогов в идеологии российских «правых».

Итак, в посткоммунистической России сосуществует несколько разновидностей псевдоконсерватизма: «консерватизмы» «партии власти», ультралибералов, коммунистов. Подлинный русский консерватизм имеет несколько подвидов или уровней: идеология православно-монархических партий и организаций («идейный» консерватизм) и идеология патриотизма, русоцентризма, державничества и социальной справедливости («прагматический» консерватизм). Адепты последнего представлены в различных (провластных и оппозиционных) политических партиях, в среде научной общественности.

В качестве одного из подвидов современного русского консерватизма в литературе (В.А. Гусев, А.Н. Кольев) называется идеология неоевразийства (А.С. Панарин, В.В. Кожин, А.Г. Дугин), которая рассматривается нами как «пограничное» направление консерватизма. Отдельные «пограничные» направления современного русского консерватизма, наиболее концептуализированным подвидом которого является неоевразийство, предлагают варианты идеологического симбиоза традиционного русского консерватизма и так называемого советского консерватизма (В.В. Кожин, А.Г. Дугин). Однако большинство идеологов современного русского консерватизма трактуют советское наследие как разрыв в русской исторической традиции.

Во втором параграфе «Проблема «идеологии 21» и русский консерватизм» анализируется значимость идеологических постулатов современного русского консерватизма, с точки зрения перспектив построения национально-мобилизующей «идеологии 21» (В.Н. Кузнецов). По мнению ряда представителей экспертного сообщества, преодоление системного кризиса актуализирует задачу построения адекватной внешним и внутренним угрозам национальной безопасности России идеологии, вокруг которой произойдет консолидация российского общества. Различные версии западных идеологий дискредитировали себя в представлении десятков миллионов граждан России, показали собственную неэффективность и антигуманистичную сущность и не могут быть востребованы широкими слоями населения страны. Тем самым актуализируется задействование идейно-теоретического потенциала современного русского консерватизма, в идеологии которого постулируются принципы сильного, социально справедливого государства, задача возрождения традиционной духовности русского народа и народов, населяющих Россию, восстановление исторических границ страны.

Идеологические постулаты современного русского консерватизма можно свести к нескольким блокам проблем: 1) собственно идеологическому, связанному с методологией идеологотворчества; 2) национально-политическому; 3) социально-экономическому; 4) внешнеполитическому и ряду других.

Важным идеологическим постулатом, который признается всеми направлениями русского консерватизма, является требование пересмотра либеральной конституции РФ и, в более широком плане, отказ от либерализма, который выполняет функции неофициальной государственной идеологии. Современные русские консерваторы апеллируют к собственной национальной традиции в духовной, культурной и идейно-политической сферах.

Идеология либерализма и, прежде всего радикального подвида последней – либертарианства, по мнению консерваторов, является составной частью того явления, которое в литературе получило определение «нероссийских идеологий» (В.Н. Кузнецов).

Одним из системообразующих компонентов идеологии современного русского консерватизма является идея русоцентризма или умеренного русского национализма, в понятие которого не вкладывается аксиологической нагрузки. Консерваторы акцентируют внимание на державообразующей роли

русских в создании и укреплении российского государства, культура которого — прежде всего, культура русского народа. В то же время они вынуждены постоянно апеллировать к идее «общей судьбы» русских и других коренных народов, населяющих Россию. Лейтмотивом идеологических построений русских консерваторов является тезис о критическом положении русского народа с точки зрения сохранения генофонда, возрождения традиционной культуры и нравственности, воссоздания авторитета семьи и т.д. По мнению консерваторов, русская национальная идея заключается, прежде всего, в спасении русского народа (А.И. Солженицын). При этом не отрицается наличие аналогичных проблем у других коренных народов Российской Федерации, но подчеркивается, что лишь при комплексном решении «русского вопроса» возможно позитивное решение иных национальных вопросов.

Практическим преломлением вышеозначенного тезиса является требование пересмотра существующей административно-территориальной системы, приведшей в нынешнем ее состоянии к утверждению этнократических режимов в ряде «титulyных» республик РФ, выдавливанию русского населения из ряда регионов, росту сепаратизма и антирусского национализма.

Возникшая после распада СССР Российская Федерация большинством консерваторов не признается в качестве исторической России, трактуется как наиболее крупный «осколок» русской территории. Идеологами различных направлений русского консерватизма подчеркивается важность задачи по воссозданию единства территорий исторической России и ревизии результатов антирусских экспериментов, проводившихся в десятилетия тоталитарного коммунистического режима.

В социально-экономической сфере русские консерваторы придерживаются принципов экономического дирижизма и социального государства. Социальная программа данного направления выражена формулой «идти со слабыми против сильных» (А.С. Панарин). Лейтмотивом различных консервативных программ является требование пересмотра итогов приватизации 1990-х годов.

В сфере международных отношений современные русские консерваторы выступают за создание системы многополярного мира и противодействие американскому гегемонизму. Проблема поиска внешнеполитических союзников решается в консервативных идеологемах путем восстановления разрушенных связей с традиционными союзниками исторической России (православные и славянские государства) и установление двухсторонних или блоковых союзов с новыми: странами «старой Европы» (Н.А. Нарочницкая, А.Н. Кольев и др.) и рядом мусульманских государств (А.С. Панарин, А.Г. Дугин).

В пятой главе «Социальные «адреса» и социально-политическая практика современного русского консерватизма» анализируется проблема определения социальных «адресов», субъектов, целей и форм реализации социально-политической практики современного русского консерватизма.

В первом параграфе «Социальные «адреса» современного русского консерватизма» определены страты российского общества, являющиеся

субъектами социально-политической практики и симпатиками консервативной идеологии. Установлено, что основными социальными «центрами», в рамках которых происходит процесс консервативного идеологотворчества, является Русская православная церковь, силовые структуры (армия и правоохранительные органы) и национально-патриотическая часть творческой и научной интеллигенции России.

Социальная база русского консерватизма не ограничивается тремя вышеназванными «центрами», а охватывает широкие демократические слои населения, включая часть неолитархической бизнес-элиты.

На основе анализа данных электорального поведения российских граждан и социологических опросов россиян по ряду актуальных для посткоммунистической России проблем обосновано положение, согласно которому большинство населения страны следует отнести к числу симпатиков идеологии консерватизма. Электорального успеха добиваются, как правило, те политические силы, которые в той или иной степени придерживаются консервативных установок либо декларируют приверженность консервативным ценностям. В частности, «консервативный поворот Путина», обозначившийся на рубеже 1990–2000-х годов, обусловлен появлением социального заказа со стороны широких слоев российского общества на осуществление Консервативного Проекта. В представлении значительной части российских граждан Президент России В.В. Путин ассоциируется с образом главы государства, заботящегося о благополучии рядовых граждан, борющегося с олигархическим засильем («идет со слабыми против сильных») и сепаратизмом региональных баронов, стремящегося к возрождению державной мощи России и традиционной духовности населяющих ее народов. Не случайно первыми шагами вновь избранного российского Президента стали наведение конституционного порядка в Чечне (восстановление единой и неделимой России) и ликвидация сложившейся в 1990-е годы системы вмешательства олигархических кланов в процесс принятия политических решений на высшем государственном уровне.

В значительной степени даже традиционно «неконсервативные» ценности, такие как демократия, в представлении российских граждан получают значимость в результате «почвенизации», т.е. адаптации к социокультурным и социально-политическим условиям страны. Как свидетельствуют данные социологических опросов населения, большинство граждан России положительно оценивают идею демократии. В то же время лишь относительно незначительная часть респондентов поддерживает принципы либеральной демократии, что подтверждают и результаты избирательных кампаний федерального уровня. Фактически половина российских граждан (49% по данным Аналитического центра Юрия Левады) выступает за развитие «почвенной» модели демократии, отличной от западной и советской моделей. Характерно, что большинство респондентов, высказывающихся в пользу почвенной модели демократии в России, относится к электоратам «Единой России» и «Родины». Также значительный процент сторонников подобной модели в других электоральных группах.

Проведенный в исследовании анализ настроений россиян и результатов электорального поведения граждан России позволил сделать вывод, что в целом консервативный электорат насчитывает не менее 60% взрослого населения страны. Представленный практически всеми социальными группами, он «размыт» между несколькими партиями, как собственно консервативными, так и псевдоконсервативными (декларирующими приверженность консервативным ценностям и использующим элементы консервативной идеологии в своих политических программах).

Во втором параграфе «Субъекты, формы и цели социально-политической практики современного русского консерватизма» рассматривается деятельность основных политических партий и организаций русского консерватизма в условиях современной российской многопартийности, определяются ее целеполагания и формы.

Социально-политическая практика современного русского консерватизма представлена деятельностью многочисленных политических партий, обществено-политических организаций, движений и групп. Как правило, эти образования имеют незначительный количественный состав и слабо развитую организационную структуру. Разрозненность политических образований, составляющих национально-патриотический (консервативный) спектр современной российской многопартийности привела, в частности, к многочисленным попыткам блокирования и надпартийным объединениям в рамках различных съездов, соборов, конференций и т.д. Подобная организационная форма является специфической чертой консервативного фланга. Социально-политическая практика современного русского консерватизма осуществлялась в самых разных формах: участие в выборах на федеральном (президентские и парламентские), региональном и местном уровнях; парламентская деятельность; организация митингов, пикетов, иных массовых политических акций; издательская деятельность; установление и поддержка рабочих контактов с объединениями российских сограждан за пределами Российской Федерации; культурно-просветительская и образовательная деятельность. Идеи русского консерватизма получили реализацию в программах различных политических партий неконсервативной направленности, зачастую находящихся в состоянии идейно-политической конфронтации: КПРФ, ЛДПР, ПРЕС, НДР, «Единство», «Единая Россия», «Партия жизни» и др.

К числу субъектов социально-политической практики современного русского консерватизма следует отнести такие партии и общественные движения, как РОС, РОНС, КРО, НПФ «Память», блок/партия «Родина», партия «Народная воля», монархические партии и организации (РИС-О, Союз «Христианское возрождение», Всероссийская партия монархического центра) и др. Деятельность консервативных партий и организаций носит, как правило, оппозиционный характер; отдельный спектр русских консерваторов примыкал к внесистемной оппозиции.

Главным направлением социально-политической практики современного русского консерватизма было «участие во власти» (так называемая сис-

темная оппозиция, представленная такими образованиями, как КРО, «Родина», «Народная воля» и др.). Ряд оппозиционных, в том числе «внесистемных» партий и объединений консервативной направленности (например, Союз «Христианское возрождение» / избирательное объединение «Русский блок»), принимали участие в выборах в Государственную думу. Как правило, данные выборные проекты не получали значительной электоральной поддержки со стороны избирателей, несмотря на данные социологических опросов, согласно которым симпатиками национально-патриотической (консервативной) идеологии являются не менее 25–30% граждан России.

Единственным на сегодняшний день крупным электоральным успехом консерваторов стала победа блока «Родина» на выборах в Государственную думу в декабре 2003 г. (более 9% голосов). Впоследствии «Родина» закрепила свой успех в ходе ряде региональных и местных выборов, в отдельных случаях одержав победу над «партией власти».

Следует отметить тенденцию, наметившуюся в течение минувшего года: системная консервативная оппозиция в лице парламентской партии «Родина» постепенно вытесняется из политического процесса, что, в частности, проявилось в снятии данной партии с выборов в Московскую городскую думу. Можно прогнозировать дальнейшее прогрессирование отмеченной тенденции, в результате чего консерваторы вновь будут вытеснены из политического процесса, уступив освободившееся политическое место либеральным партиям (очевидно, объединенные СПС и «ЯБЛОКО»).

В **Заключении** подводятся основные итоги социально-философского исследования русского консерватизма как идеологии и социально-политической практики, делаются выводы и прогнозы относительно формирования национально-мобилизующей и консолидирующей идеологии новой России и адекватной ей социально-политической практики.

Список основных публикаций по теме диссертации

Монографии

1. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 10 п.л.

Статьи, тезисы докладов и сообщений, рецензии

2. Проблема «Запад–Россия» в историософии А.С. Хомякова // Восток. Запад. Россия. Материалы Всероссийской научной конференции 14–15 октября 1993 г. Ростов н/Д, 1993. 0,2 п.л.
3. Концепция «социального строя» Л.А. Тихомирова // Социальная политика России: история и современность. Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции. Новочеркасск, 2000. 0,2 п.л.
4. Понятийно-категориальный аппарат исследования русской монархической мысли конца XIX – начала XX вв. // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 4. М., 2000. 0,4 п.л.

5. Тихомиров Л.А. и Б.Н. Чичерин: спор оппонентов // Либеральный консерватизм в России: история и современность. Материалы всероссийской научно-теоретической конференции 24–25 мая 2000 г. М., 2001. 0,4 п.л.
6. Рецензия на монографию А.В. Репникова «Консервативная концепция российской государственности» (М., 1999) // Воронежский государственный университет. Воронеж, 2001. (В соавторстве с С.М. Смагиной). 0,2 п.л.
7. Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // Консерватизм и традиционализм на юге России. Сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. В соавторстве с А.С. Кисилем. 0,7 п.л.
8. Место Н.Я. Данилевского в типологии русской консервативной мысли // Н.Я. Данилевский в истории русской философской мысли. Материалы научно-практической конференции в Ростове-на-Дону 30 декабря 2002 г. Ростов н/Д, 2003. 0,3 п.л.
9. Проблема государственной власти в концепции позднего славянофильства Д.А. Хомякова // Государственность и право славянских народов в начале XXI века. Тезисы материалов научно-практической конференции. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 0,3 п.л.
10. Основные методологические проблемы изучения консервативной идеологии // Путь в науку. Материалы научной конференции аспирантов и докторантов ИППК РГУ. Ростов н/Д, 2003. Вып. 4. 0,4 п.л.
11. Консервативная критика федеративных проектов устройства России (И.А. Ильин) // Проблемы современного федерализма. Материалы всероссийской научно-практической конференции 11–12 апреля 2003 г. Ростов н/Д, 2003. 0,2 п.л.
12. Панславизм и национализм в русской консервативной мысли: к постановке проблемы // Славяне в мировой культуре и истории. Материалы международной научно-практической конференции в Ростове-на-Дону 22–23 мая 2003 г. (В соавторстве с А.С. Кисилем). Ростов н/Д, 2003. 0,2 п.л.
13. Рецензия на сборник «Национальная и региональная безопасность на юге России: новые вызовы. Сборник научных статей» // Южнороссийское обозрение. № 14. 2003. Ростов н/Д, 2003. 0,2 п.л.
14. Панславизм или национализм: опыт решения национального вопроса в русской консервативной мысли // Путь в науку. Материалы научной конференции аспирантов и докторантов ИППК РГУ. Ростов н/Д, 2003. Вып. 4. Ч. 2. 0,2 п.л.
15. Ф.И. Тютчев и проблема «Россия-Запад» в истории русской консервативной мысли // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма. Материалы всероссийской научно-практической конференции в г. Ростове-на-Дону 13–14 декабря 2003 г. В 2-х тт. Ростов н/Д, 2004. Т. 1. (В соавторстве с В.В. Черноусом). 0,3 п.л.
16. Элементы политической социологии в консервативной доктрине Л.А. Тихомирова // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». М. – Ростов н/Д, 2004. Т. 4. 0,4 п.л.

17. Политическое и правовое в консервативной доктрине Л.А. Тихомирова и К. Шмита: к постановке проблемы // Правовое и политическое взаимодействие. Сборник тезисов Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д – Таганрог, 2004. 0,3 п.л.
18. Консервативная идеология для новой России // III Философский конгресс. Тезисы докладов и выступлений. М., 2005. 0,1 п.л.
19. Проблема взаимоотношений политического и правового в консервативной традиции (на примере доктрин Л.А. Тихомирова и К. Шмита) // Философия права. 2005. № 2. 0,5 п.л.
20. Хомяков Д.А. // Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., РОССПЭН, 2005. 0,3 п.л.
21. Русский консерватизм: идеологическая доктрина и социально-политическая практика. Концепция докторской диссертации // Социально-гуманитарные знания. Приложение 1. 2005. 0,4 п.л.
22. Постулаты консервативного «стиля мышления» в методологии К. Манхейма // Социально-гуманитарные знания. Приложение 2. 2005. 0,4 п.л.
23. Природа и структура социального в концептуальных построениях трех направлений русского консерватизма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания». 2005. 0,4 п.л.
24. Проблема «идеологии 21» и русский консерватизм: к постановке проблемы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Наука: проблемы, поиски, решения». 2005. 0,4 п.л.
25. Правомонархические партии в России в начале XX века: идеология и практика / Политические партии России: конец XIX – начало XXI века: Учебник для вузов / Под ред. С.М. Смагиной. Ростов н/Д, 2006. 1 п.л. (в печати).
26. Проблема свободы в идеологии русского консерватизма / Гуманитарный ежегодник / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 0,8 п.л.
27. Социально-политическая концепция К.Н. Леонтьева // Истоки славянской культуры. Сборник статей. Серия «Славянский мир». Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР». Вып. 4. 2006. 0,4 п.л.

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.99

Сдано в набор 01.02.2006. Подписано в печать 03.02.2006.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 2,66.
Тираж 100 экз. Заказ № 17.

Издательство Ростовского университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Отпечатано с готовых диапозитивов в РПУ РГПУ.
344068, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33.

